

18+

Мария
Фомальгаут

Подстреленный
телефон

Мария Фомальгаут

Подстреленный телефон

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Подстреленный телефон / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986388-1

Добро пожаловать в увлекательное путешествие на чашках по чайной реке. Может быть, у вас получится разобраться, почему сгорел город... Или познакомиться с одиноким камином, который бродит по улицам... Нет-нет, в пожаре он не виноват. Осторожнее с напольными часами за вашей спиной, они... Хотя, быть может, они тоже не виноваты. Кстати, откуда родом вы сами — ваш город уже исчез давным-давно или еще не появился? А вы уверены, что живете в настоящем? А почему?

ISBN 978-5-44-986388-1

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Я подарю вам дом	6
Чучело звезды	8
Воспоминания о будущем	16
Атомы времени	20
Можно, я буду им?	22
Победившая буква	25
Палаты-Палац-Пэлес	27
Они говорили, что мы люди	32
Олецичи	34
Приключеник	42
Рецензия на ненаписанное	45
Что-то из дома	50
Запас времени	54
В половине третьего	57
Жрущий измерения	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Подстреленный телефон

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2020

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6388-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я подарю вам дом

Вот что.

Я вам подарю дом.

Нет, не отказывайтесь, это в знак примирения.

Ну, должны же мы отметить как-то, что помирились, верно?

Ну вот, я вам подарю дом. Очень красивый дом, в два этажа. Там кухня будет, и столовая, и гостиная, а на втором этаже спальня и кабинет, и ванная с бежевым кафелем.

Отличный дом, честно я вам говорю. Правда, немножко кривой. Но это же не страшно, правда? Сейчас это вообще модно, дизайнерские решения, неровные дома, в Англии такой, например, есть... кстати, я вам даже не сказал, где этот дом, может, вообще в каком-нибудь удивительном месте, в котором вы давно мечтали побывать...

...кстати, да.

Место экзотическое, скажу я вам. Чтобы туда добраться, бешеные деньги нужны. А чтобы жить, так еще бешенее деньги нужны. А я вам все это бесплатно.

Так что соглашайтесь, не пожалеете.

Согласны?

Да, дом чуток искривленный. Но не сильно, это и не помешает вам совсем.

Согласны?

Ну, давайте.

Заселяю.

А?

Почему дом-то искривлен?

Не-ет, архитекторы тут не при чем.

Дом изогнулся, потому, что изогнулось пространство.

Ну, да, так бывает. И вы мне даже скажете, где.

Верно, где гравитация зашкаливает, там так и бывает.

Возле черных дыр.

Но дом совсем не сильно искривлен, вы не беспокойтесь. Правда, чем дальше, тем сильнее пространство закручивается в спираль, и дом вместе с ним, и вы тоже, вытянетесь в бесконечную тончайшую спираль вокруг черной дыры...

Шах и мат.

Я уничтожил вас.

Не беспокойтесь, я тоже погибну – ведь я уже успел открыть ваш подарок, где вы заботливо приготовили мне...

Чучело звезды

– Как развешивать будем?

Он смотрит на меня косо. Думаю про себя, еще раз посмотрит косо, – развернусь и уйду, я не для того сюда пришел своё время и силы тратить, чтобы на меня еще косо смотрели. Он хочет что-то ответить, не отвечает, он и сам не ожидал, что кто-то придет в заброшенный музей, чтобы помочь, он думал, что все это и будет валяться вот так, в хаосе, в звездной пыли, в лужах прошлого...

– Ну... э...

...подхватываю:

– Проще, конечно, в алфавитном порядке развесить...

Он презрительно фыркает. Поспешно продолжаю:

– Ну да, да, это ерунда получится, кому он нужен, этот алфавитный порядок... я просто в компьютер чего забиваю, он сразу в алфавитном порядке все раскладывает, но...

...спохватываюсь, что сейчас придется объяснить ему, что такое компьютер, – а нет, не придется, не до компьютера ему, ни до кого, ни до чего...

– А может, это... по ареалам обитания во вселенной?

В подслеповатых глазах огонек оживления.

– Дело говорите... от дальних квазаров и дальше, по галактикам...

Оглядываю стену, прикладываю полки, прикидываю, где им быть, подчеркиваю огрызком карандаша, начинаю прикручивать шуруповертом, работы всерьез и надолго...

Какого черта я делаю, спрашиваю я себя, какого черта. А что я хотел, надо же что-то делать, к кому-то прибиться, прижиться, присоседиться, в одиночку я не выживу....

...выпускаю стрелу.

Звезда падает, пронзенная насквозь. Это плохо, что насквозь, шкуру повредил...

Ну да ничего, ничего, осторожно извлекаю стрелу, осторожно снимаю со звезды шкуру, не попортить бы, вычищаю, выделываю, набиваю, знатное получилось чучело...

...ему страшно.

Вот теперь ему по-настоящему страшно.

Не раньше – когда музей оказался на грани гибели, в полуразрушенном здании неведомо каких времен, когда бесценные экземпляры были в хаосе свалены сюда, в грязь, в песок, и надо было что-то делать, приводить все в порядок, спасти то, что еще можно было спасти...

Страх.

Боль.

Отчаяние.

А потом настоящий страх – когда он вернулся к руинам ближе к рассвету, когда увидел аккуратно расставленные полки, аккуратно почищенные чучела...

Черт....

Черт, черт, черт...

Ему страшно.

Он выжидает.

Оглядывается.

Ни шороха, ни вздоха, ни движения – но что-то есть, что-то, что-то, что-то совсем рядом, вон там, в темноте...

Щелчок выключателя.

Вспышка света.

И – страх.

Вот теперь настоящий страх при виде того, что там, там, там.

Оно.

Нечто.

Несуразное.

Жуткое.

Оно склоняется, оно собирается атаковать, оно трещит что-то в неведомом диапазоне...

...атаковать...

Оно замирает.

Наклоняется над песком. Сейчас можно уничтожить это одним всполохом пламени.

А потом он с замиранием смотрит, как неведомое нечто собирает из досок простенькие подставки под музейные бесценности, бесценные музейности...

Здрать – непередаваемый диапазон, знак начала контакта.

Дасв, данна – непередаваемый диапазон, знак обрыва контакта...

– ...можно по спектрам расставить, – продолжаю я, – по классам...

Он настораживается:

– По каким еще классам?

– Ну, О, Ка...

Пытаюсь объяснить что-то про температуру, про спектр излучения, про ви... не, про видимый не надо, он не поймет, что такое видимый свет, мало ли что он там видит... Продолжаю что-то про водород, гелий, калий, фтор, рисую структуры атомов – он восхищенно смотрит, он в жизни бы не догадался...

– Вот так... по спектрам их...

Осторожно расставляю по полкам чучела звезд, хочу спросить, как он их делает – не спрашиваю. Подбираю звезду, будто сложенную из двух спиральных рукавов, хочу поставить на видное место, – хозяин шикает на меня, это он у меня научился, шикает, спрячь, спрячь куда подальше, чтобы не видели...

– А почему не видели? – не понимаю, – вон красотища-то какая...

– Красотища... за эту красотищу и казнить могут...

– А ч-что такое?

– А то такое... это же какая редкость... это ж нельзя стрелять...

– И вы подстрелили?

Мысленно хлопаю себя по лбу, как хорошо, что не сказал, а то бы сейчас показали бы мне на дверь, которой, кстати, у нас пока еще нет.

Бормочу что-то, ну мы тут историю подпишем, что это вот браконьеры подстрелили, а их арестовали, а чтобы добру не пропадать, звезду на чучело и в музей...

Он смотрит на меня с уважением, кажется, первый раз...

– Про эту тоже что-нибудь придумай, – просит, – это ж кварковая звезда...

Подписываю на табличке, Кварковая...

– ...и странная.

– Еще и странная?

– Ну да.

Открываю очередную коробку, вздрагиваю, когда вижу, что там...

...ничего нет.

– Бозонная звезда.

– Из бозонов?

– Да мало того, что из бозонов, из стабильных бозонов.

Уважительно киваю.

– Не понимаете?

– А что? Ну, из стабильных...

– ...так их же не существует!

– А вот оно что...

...бережно выставляю несуществующую звезду, думаю, что про неё написать, чтобы непонятно было, что хозяин её подстрелил...

...прижимаю камни один к другому, достраиваю еще один зал. Начинаю понимать, что музей растянется на всю планету, не меньше, а мы-то думали ограничиться заброшенным залом...

Копирую зал, как хозяин учил.

Размножаю – на мириады мириад раз.

Ставлю на полку самую маленькую звезду, тоже когда-то подстреленную хозяином, думаю, что про неё сочинить, чтобы никто не знал, что случилось с ней на самом деле...

...спешите посетить уникальный музей...

...нет, не то...

...самые редкие виды звезд со всего мира...

...тоже не то...

А надо что-то писать, рассылать по свету, чтобы хоть кто-то явился, хоть кто-то прошелся по залам, посмотрел полки, стеллажи, спросил что-нибудь вроде, а почему эта звезда в спираль закручена...

...никого нет.

Никто не идет...

«...я хочу рассказать вам об удивительном персонаже, который делает то, что никому не нужно. В наш век, когда музеи никому не интересны, когда уже все забыли, что это такое, он продолжает нести знания в массы...»

Ё-моё, что я тут несу...

– А вы откуда?

Вздрагиваю.

Долго ждал этого вопроса, долго его боялся.

Отвечаю честно:

– Не помню.

– Вот так, да?

– Вот так. Не помню.

Хочу добавить, сколько веков прошло, сколько воды утекло с того дня, когда покинул мир, в котором жил, – не добавляю, не помню, слишком... слишком много...

– А откуда почему ушел?

Давлюсь собственным голосом, с ненавистью смотрю на хозяина, ну сам бы мог догадаться...

– ...натворил чего?

Вымученно киваю, сам-то ты хорош, по тебе не то, что тюрьма, виселица плачет, или как у вас там казнить полагается...

– А чего?

Развожу руками.

– Не помню... честное слово... слушайте, ну, сколько веков прошло, сколько тысяч лет...

Он смотрит косо. Первый раз он смотрит на меня косо, первый раз начинает подозревать. Проклинаю себя, что сказал правду, ну на хрена правду, ну соврал бы что-нибудь, что украл что-то, или войну какую устроил, или тираном каким был, – тогда бы хоть все было просто, понятно, а тут нате вам, – не помню...

Мало ли там что было...

Мало ли...

Примеряюсь...

Прицеливаюсь...

Звезда совсем близко, если эти мириады километров можно назвать – близко...

Огонь....

Звезда умирает, подбитая метким выстрелом.

Подбираюсь ближе, еще ближе, выжидаю, – он говорил, нельзя подхватывать сразу.

...нет, все-таки не рассчитал, все-таки схватил слишком рано, – поток раскаленной радиации жжет меня нещадно...

– ...ты... ты хоть понимаешь, что ты сделал?

Смотрю на звезды, которые нахватал с неба, не понимаю.

– Ну... это... помочь вам хотел...

– Помог... ой, помог... так помог, что дальше некуда... – он вылавливает что-то из кучи звезд, – это что? Это что, я спрашиваю?

– Звезда... спектральный класс...

– ...что класс, ты на возраст посмотри!

– Э... четырнадцать миллиардов лет... с половиной...

– А нашей вселенной сколько?

– Тринадцать с чем-то... стойте! Вы хотите сказать...

– ...вот то-то же... Ну, вы молодец, такой молодец, что дальше некуда... Такую редкость даже я бы не посмел тронуть...

Хочу напомнить, что он еще и не то посмел тронуть, и хоть бы что. Не напоминаю. Чувствую, что он и правда, рассердился, не на шутку, да нет, не рассердился, тут другое...

...ему страшно.

Вот теперь по-настоящему страшно.

Когда на полке лежит звезда, звезда древнее самой вселенной, и если кто-то её увидит...

...нет...

...никто не увидит...

Спрятать.

Не показывать...

И, черт возьми, как теперь рассылать объявления, только у нас, более миллиарда звезд, прикоснитесь к тайнам вселенной, – когда на полке лежит вот это, древнее самой вселенной, подстреленное ненароком...

Отмахивается:

– Спрячь... это спрячь...

...нет, надо с ним по-другому, в конце концов, он сюда пришел, помочь хотел, без него бы вообще не было ничего... Тут бы поблагодарить, тут бы сказать, что бы я без вас делал, да пропал бы, пропал, нет, надо пойти к нему, сказать, надо...

– Это что такое? Что такое, я спрашиваю?

Сам пришел, ворвался в комнату, показывает что-то, понять бы еще, что, ну чучело, чучело планеты, хорошая планета, почти вся покрытая водой...

– Вы... это вы подстрелили?

– Ага, гордость моя...

– Гордость... вы хоть понимаете, что это уникам в своем роде?

– А что, так мало планет, на которых вода? Да до фи́га и больше, никто и не спохва...

Что он кричит, непонятно, какой уникам, неясный набор звуков, ш-ш-ш-ис-с-с-с-а дальше Н, какая-то придавленная, пришибленная Н, черт пойми...

...он уже не успевает понять, что страшно...

...смотрю на чучело планеты, как будто еще надеюсь вернуть её к жизни, как будто это возможно...

Хотя уже понимаю – все кончено...

– Мир вам.

Смотрю на них, не понимаю, откуда, почему, зачем, как...

– Э-э-э... и вам мир.

– Разрешите осмотреть музей?

– А... э...

– Нельзя?

Спыхватываюсь. Понимаю, что сейчас они уйдут, уйдут, оставят меня наедине со звездами...

– Э-э-э... да, да, пожалуйста... добро... пожаловать... Это вот у нас по спектрам... по классам... это вот...

Они смотрят. И я смотрю, не осталось ли чего запретного, чего-то редкого, вымирающего, за что могут казнить...

– Вы арестованы.

– Но...

– Арестованы.

– А что такое?

Смысл доходит до меня с трудом, откуда браконьерство, почему браконьерство, это же...

– ...вы сами убивали эти звезды?

– Ну да, разумеется, я...

– ...редкие, вымирающие и вымершие звезды?

– Но...

Я не понимаю, как редкие, как вымирающие, я не понимаю, что значит – их больше не осталось...

Думаю, сколько прошло веков, сколько миллиардов лет, как давно я смотрел на небо, на котором не осталось звезд...

Бегу.

Уже понимаю – нужно бежать, опретью, во весь дух, расправить крылья, оттолкнуться от пустоты, упасть – в пустоту, в ледяную беззвездную пустоту...

...не настигнут...

...не догонят...

...отстанут...

...года...

...века...

...миллиарды лет...

...когда вижу новые звезды, даже не сразу вспоминаю, что это – звезды, не узнаю, не понимаю, что это они...

...выслеживаю...

...целью...

...стреляю...

...перебираю добычу, разделяваю звезды, набиваю чучела...

...мы восхищены самоотверженным трудом местного краеведа, который знакомит подрастающее поколение со звездами нашего мира, в одиночку своими руками с нуля создал музей звезд, в котором, в частности, посетителей поражают очень редкие звезды...

...создатель музея и его почитатели крайне возмущены несправедливыми обвинениями – напомним, величайшего астрофизика и звездного охотника обвиняют в том, что он убивает редкие и вымирающие виды звезд. На счастье нашего героя, сейчас нет закона, регулирующего охоту на звезды – но такой закон может появиться в ближайшее время, и тогда ловцу не поздоровится...

...когда школа закрылась, музей еще какое-то время держался, заходили редкие посетители – но власть поменялась, кому-то понадобилась территория, перед звездочетом поставили ультиматум – или убираться прочь со своими экспонатами, или они будут уничтожены. Новая власть не очень-то церемонилась с неугодными ей экземплярами. Создатель уникального в мире музея оказался на пустой безжизненной планете в полуразрушенном зале, оставшемся от какой-то цивилизации, с бесценными экспонатами, брошенными в песок...

...перечитываю статьи многолетней давности, вспоминаю свой недолгий триумф.

...страшно.

Вот теперь по-настоящему страшно.

...в кучу свалены сюда, в грязь, в песок, и надо было что-то делать, приводить все в порядок, спасти то, что еще можно было спасти...

...ближе к рассвету вижу аккуратно расставленные полки, аккуратно почищенные чучела...

Черт...

Черт, черт, черт...

Выжидаю.

Оглядываюсь.

Ни шороха, ни вздоха, ни движения – но что-то есть, что-то, что-то, что-то совсем рядом, вон там, в темноте...

Щелчок выключателя.

Вспышка света.

И – страх.

Вот теперь настоящий страх при виде того, что там, там, там.

Оно.

Нечто.

Несуразное.

Жуткое.

Оно склоняется, оно собирается атаковать, оно трещит что-то в неведомом диапазоне...

...атаковать...

Оно замирает.

Наклоняется над песком. Сейчас можно уничтожить это одним всполохом пламени.

Неведомое нечто собирает из досок простенькие подставки под музейные бесценности, бесценные музейности...

Бегу.

Уже понимаю – нужно бежать, опрометью, во весь дух, расправить крылья, оттолкнуться от пустоты, упасть – в пустоту, в ледяную беззвездную пустоту...

...не настигнут...

...не догонят...

...отстанут...

...года...

...века...

...миллиарды лет...

...когда вижу новые звезды, даже не сразу вспоминаю, что это – звезды, не узнаю, не понимаю, что это они...

...выискиваю, выслеживаю, понимаю, что уже нет сил куда-то лететь, – спускаюсь на мертвую землю, в безжизненную пустыню, посреди которой возвышаются руины чего-то отжившего, умершего – здесь можно укрыться до поры, до времени, здесь можно переждать, пережить – не знаю, что, здесь можно найти кров...

Оглядываю обломки полок, стеллажей, что-то здесь было, или будет, кто-то пытался собрать все это воедино, кто-то, у кого уже не хватит сил восстановить...

Начинаю собирать полки, что я делаю, что делаю, знать бы еще, что там будет на этих полках, приглядываюсь к тому, что лежит в пыли пустыни...

...неужели...

Бегу.

Уже понимаю – нужно бежать, опрометью, во весь дух, расправить крылья, оттолкнуться от пустоты, упасть – в пустоту, в ледяную беззвездную пустоту...

...не настигнут...

...не догонят...

...отстанут...

...года...

...века...

...миллиарды лет...

...когда вижу новые звезды, даже не сразу вспоминаю, что это – звезды, не узнаю, не понимаю, что это они...

...останавливаюсь, перевожу дух, я – одинокая звезда среди чужих незнакомых звезд.

Кто-то смотрит на меня, кто-то изумляется, кто-то перешептывается, да вы посмотрите, это как это так, вселенной нашей тринадцать тысяч лет, а этой звезде целых четырнадцать...

Молчу.

Я не могу сказать, что я не из этой вселенной.

Потому что звезды не говорят.

Кто-то выслеживает меня...

...нет, не так.

...кто-то стреляет в меня...

...и не так...

...выстрел...

...и даже не выстрел, просто я был – и меня нет, кто-то подбирает мой труп, кто-то несет его в бесконечный музей, кто-то проклинает кого-то, только я этого уже не слышу...

...больше вариантов нет.

Только три.

Три судьбы, брошенные в бесконечность.

...А да, еще что-то хотел спросить... у того, кто дал мне эти судьбы... все эти судьбы... ну что я бежал от своего прошлого в свое прошлое, это понятно, но вот там было чучело планеты... где много воды... и облака... И вот когда я увидел чучело из этой планеты, я с собой сильно поспорил... Нет, что она уникальная была, это понятно, такого больше нигде не сыщешь... но... мне так показалось, я не только из-за этого злился... как будто связано у меня было что-то с этой планетой...

...или это мне только показалось...?

...а...?

Воспоминания о будущем

– Вы восстанавливаете воспоминания?

– Разумеется.

Смотрю на него, а не сошел ли ты с ума, а чем я, по-твоему, занимаюсь, если у меня на табличке написано – восстанавливаю воспоминания.

Этого я всего не говорю, отвечаю как можно вежливее:

– Разумеется.

– О прошлом?

Окончательно понимаю, что у человека поехала крыша. Все-таки отвечаю как можно вежливее:

– Разумеется.

– Только о прошлом?

Меня передергивает:

– Ну а что я вам, воспоминания о будущем восстановить должен?

Он кивает, резко, отрывисто:

– Да... да.

Хочу отозваться – это не ко мне, он обрывает меня:

– Да вы подождите говорить Это не ко мне, подождите...

Чего мне ждать, думаю я, чего тут ждать...

– И думать, чего вам ждать, тоже подождите... понимаете... она приходит убить меня.

Мысленно поправляю – наверное, хотел сказать, приходила.

– ...нет, я не хотел сказать – приходила. Приходит. Каждый вечер.

А полиция, думаю я.

– ...нет, не надо в полицию.

А что так, – я успеваю подумать, но опять же не сказать.

– ...эта женщина... – начинаю я...

– ...моя женщина.

– Ваша?

Мы любим друг друга.

То есть, я люблю.

Она тоже любит, только не помнит об этом, вернее, еще не знает. Она приходит каждый вечер – еще не помнит, что мы любим друг друга, и мне приходится напоминать, как мы брали экипаж, и летели на нем в никуда, останавливались в старинных городках, ночевали в комнатах, таких крохотных, что они могли уместиться на ладони, а на рассвете в полях собирали звезды, нападавшие за ночь. А потом потихоньку пришла зима, и нужно было что-то делать, как-то обустраиваться, денег хватило только на комнатку под самой крышей, а на дом не хватило, и правда, это странно смотрелось, комнатка под крышей, парящая в пустоте...

Она этого не помнит.

Когда она приходит убить меня – она этого не помнит.

Я напоминаю.

Нет, не словами, – тут надо слишком много слов, я бы не успел словами, я вонзаю память в её разум, как стрелу в мишень, как нож в масло, – она вздрагивает, осененная внезапным воспоминанием, она начинает понимать, она снимает военную форму, в которую её обрядили те, кто её сюда послал, и мы устраиваемся на постели, и мечтаем, как возьмем экипаж, и полетим на нем в никуда, а экипаж будет хлопать крыльями, рассекая высокое небо. А потом под-

крадется зима, и, может, схватит кого-нибудь из нас, но мы отобьемся, обязательно отобьемся, и купим чердак под самой крышей, который будет парить в воздухе...

...на рассвете они убьют её.

Спохватятся, что она не убила меня – и убьют её.

Правильнее говорить – отключат.

Но я говорю – убьют.

На рассвете.

Каждый раз я вижу, как она распадается в прах, каждый раз я верю, что она снова придет вечером.

Она приходит.

Чтобы меня убить.

Она еще не помнит...

Осторожно откашливаюсь:

– А из-за чего, собственно, вас...

Он выставляет руки ладонями вперед:

– Давайте не будем об этом, ладно?

Хочу напомнить о профессиональной тайне – не напоминаю, чувствую, что здесь это бесполезно.

– ...так причина вашей вражды с ними...

– ...это наша причина.

И что вы от меня хотите, думаю я.

– Думаете, что я от вас хочу... понимаете... я возвращаю ей память...

Меня передергивает, я наконец-то спохватываюсь:

– Вы даёте ей воспоминания о будущем... но это невозможно, ведь будущего еще нет!

– Вот именно.

– То есть... вы подсовываете ей ложную память?

– Совершенно верно.

Это запрещено, думаю я.

– Правильно думаете, это запрещено... они теперь нашли способ со мной разделаться, если они сообщат в полицию...

Наконец, успеваю не только подумать, но и сказать:

– ...вам грозит смертная казнь.

– Верно... если я только не докажу, что действительно добавлял ей воспоминания о будущем...

– Но как вы это докажете, думаю, как...

– Вы мне поможете.

– Каким же...

– ...сделаете воспоминание о будущем.

Хочу сказать, что это невозможно, он обрывает меня:

– Но у вас же получаются воспоминания о прошлом, что вам мешает сделать воспоминание о будущем?

– Ну... я не могу вам ничего обещать...

– Но вы сделаете все возможное...

– ...сколько я вам должен?

Смотрю на него, вымученно называю сумму.

Мой клиент изумленно присвистывает.

– Ну а что вы хотели, тут работы на много лет было... жизнь положить пришлось на эти ваши воспоминания...

Он открывает воспоминание, он смотрит, он не понимает...

– Это... это что вообще?

– Воспоминание ваше...

– Какое, к чертям...

– ...о будущем.

– Уж не хотите ли вы сказать...

– ...хочу.

– Это моё...

– ...ваше будущее.

– Хотите сказать...

– ...да, к сожалению.

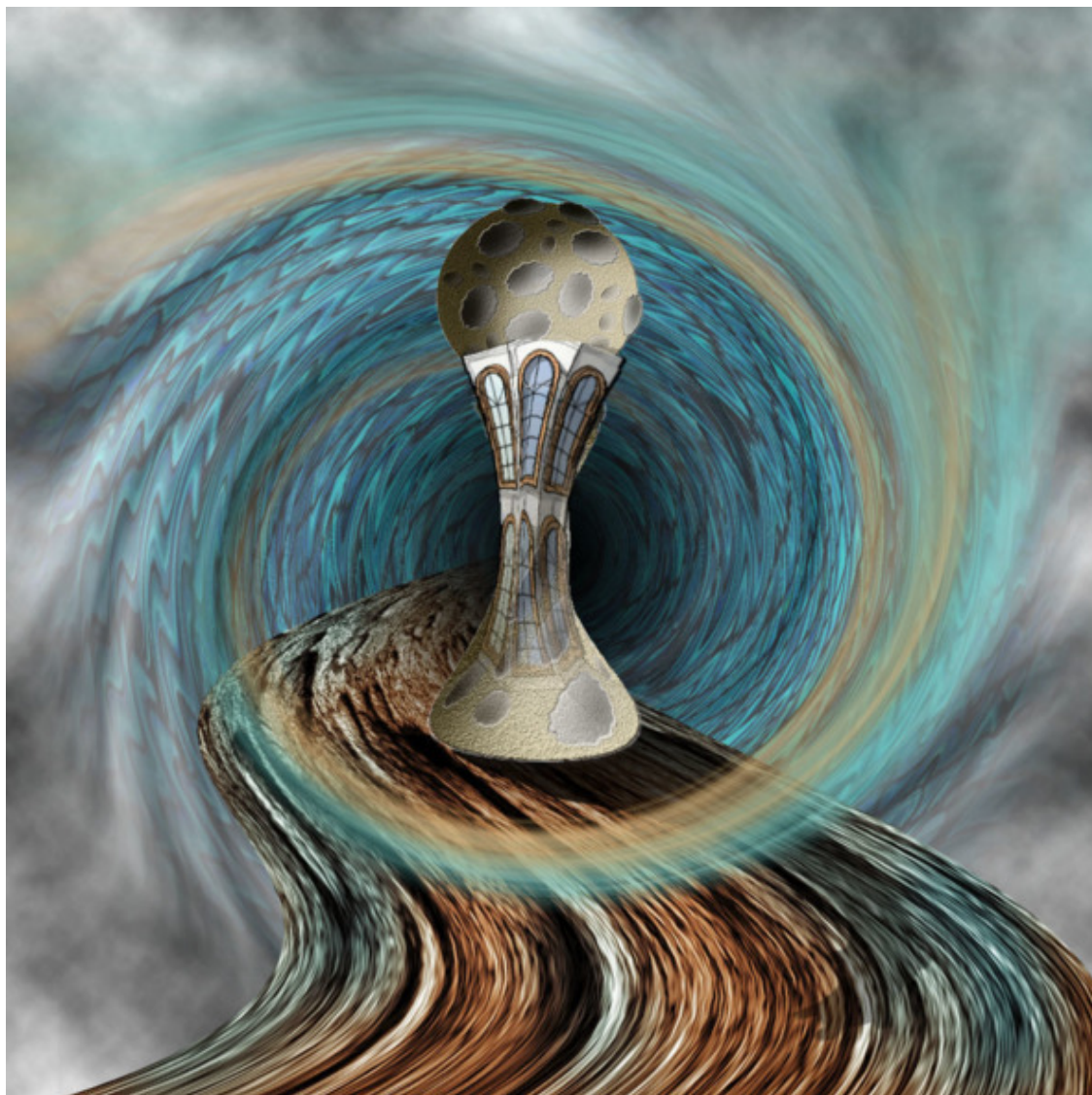
– А изменить его...

– ...невозможно.

Уходит. Лица на нем нет, руки мелко подрагивают, спрашиваю себя – что он там мог увидеть, не нахожу ответа.

В конце концов, это его будущее.

Не мое.

Атомы времени

- Это не из нашего мира.
Он обреченно смотрит на меня, кивает:
– Это не из нашего мира.
Смотрю на него, вернее, не на него, на остатки вина в бутылки в его руке, думаю, как бы намекнуть, что можно и продолжить вчерашнее, да не можно, а нужно...
– Это не из нашего мира, – повторяет он.
– А... что такое?
– Да вы сами посмотрите, сами-то посмотрите!
Я морщусь, что ты суешь мне свои микроскопы, с утра пораньше, вот только их мне сейчас и не хватало...
– Вот, глядите... частицы пространства...
Вымученно киваю.
– ...а вокруг каждой частицы пространства вращается что?
Торжествуя отвечая:
– Частица времени.
Хоть что-то я знаю, хоть что-то...
– Ой, ли? – прищуривается, щелкает клювом.
Начинаю сомневаться, тут же добавляю:
– Частица. Времени.
– Да нет, вы посмотрите хорошенько-то...
Смотрю. Хорошенько. Начинаю понимать, что у меня двоится в глазах после вчерашнего, потому что не может быть...
– ...а вот может.
– Что может? – меня передергивает, – две частицы времени вокруг частицы пространства?
– Две ли?
Присматриваюсь. Понимаю, что не две, что кое-где и три, и десять, и...
– Черр-р-р-т...
– Вот вам и черт, – он кивает, – сколько частиц времени у частицы пространства?
Молчу, даже не отвечаю, что одна.
– А здесь...
Хватаюсь за остатки здравого смысла:
– Мутация?
– Ну, ничего себе мутация, вы хоть представляете, это какую энергию нужно, это во всей вселенной столько нет!
Меня передергивает...
– ...тогда...
– ...это не из нашего мира... Вы посмотрите стекло бутылки... там тоже самое...
Холодок по спине...
– Черт возьми... что мы пили вчера?
Он не отвечает. Пытаюсь представить себе мир, в котором примитивные частицы пространства-времени разрастаются до сложных атомов со множеством частиц...
– ...если наши частицы пространство плюс время принять за атом водорода... – продолжает он, будто читает мои мысли, – то вот это – частица пространства плюс две частицы времени...
– ...гелий...

- ...вроде того... а это литий...
- Интересно получается....
- Еще как... Надо будет сообщить...
- ...если успеем.
- Что вы имеете в виду?

Он смотрит на меня, посмеивается, неужели не догадываетесь, а ведь мы это пили, пили вчера, и что с нами будет дальше...

Я почему-то жду, что мир вокруг начнет неувовимо меняться, опрокинется сам в себя, и мы окажемся... не знаем, где. Ничего не происходит, от этого гаже всего, что ничего не происходит, но чувствую – произойдет...

Можно, я буду им?

...нет, высоты не боюсь.

И трудностей не боюсь, вообще никаких.

Да знаю я, что все так говорят, а потом, как туда попадут, так начнется, а-а-а-а, не хочу-у-у-у, не на-а-адо-о-о-о, за что-о-о-о-о мне все э-э-э-то-о-о...

Я так не буду.

Я правда не боюсь.

И... и еще, а можно я сам выберу? Или мое мнение тут ничего не значит, сиди и молчи? Как ска... а-а, можно?

Вот я слышал про Октахора Симплекса. Ну, не слышал, не мог слышать, у меня еще нет ушей, у меня еще ничего нет. Ну, читал, то есть, не мог читать, у меня еще нет глаз, ничего нет – но знаю, хоть мне и нечем знать, что есть такой, Октахор Симплекс, неисправимый чудак, романтик, изобретатель... да что он только не изобрел, тут целой жизни не хватит... и вообще, я свою жизнь на другое хочу потратить, вот на него вот...

Я тоже хочу прицепить к луне корзину на тросах и отправиться в полет по белу свету, а потом попасть в плотный поток звезд, который порвет стропы, и я упаду где-нибудь на обратной стороне земли, где притяжение наоборот, и поэтому мне придется стоять на голове, чтобы не упасть. А потом я придумаю, как можно консервировать время, и у меня его будет много-много, так что хватит надолго.

Можно я буду Октахором Симплексом? Ну, пожалуйста. Хотя бы для того, чтобы изобрести зеркало, ну, не изобрести – одомашнить, а потом я открою, как можно с помощью зеркала отражать комнаты, и в маленьком доме, где была всего-то одна крохотная комнатка, окажется мириады залов, кабинетов, спален...

У меня получится.

Обязательно.

Получилось же у Октахора Симплекса, а я буду им, значит, и у меня получится.

Ну и, в конце концов, что греха таить, я хочу быть богатым, – и не просто богатым, богатейшим, чтобы со всего света ко мне стекались несметные сокровища, летели по небу крылатые корабли, груженные золотом, шелками, пряностями из далеких краев, винами, коврами, причудливыми статуэтками, заморскими яствами. Я тоже хочу жить в драгоценном замке на вершине скалы посреди живописного острова в океане, я тоже хочу, чтобы от моего имени трепетали на всех континентах...

...можно?

У меня получится.

У него же получилось.

А я буду он.

Можно?

Я даже вставать буду в пять утра, как он. И обливаться холодной водой. Ради всего этого можно и выдержать. Буду бесстрашно ходить в темные леса, буду одомашнивать дикие камни, ставить силки на скрипки, приручать их, объезжать дикие необузданные моря, чтобы они покорно ходили в упряжи, перевозили корабли...

Я справлюсь.

Он же справился.

Можно?

Нет, я понимаю, что сильно много прошу, что много кто хочет быть Октахором, да еще и Симплексом, тут, наверное, таких, как я, миллионы, если не миллиарды. Нет, я понимаю, что реальнее будет просить судьбу какого-нибудь композитора, или писателя, или вот, говорят,

в далеком будущем там какие-то будут, которые оживляют картины, заставляют их двигаться, вот мне бы еще такое что-нибудь. Ну, не самым великим, конечно, так, поскромнее, но все равно, заниматься любимым делом, скромненько жить...

...и все-таки я хочу быть Симплексом.

Ну, пусть не сейчас.

Пусть не в этой жизни.

Пусть даже не в следующей, я готов подождать, десять жизней, двадцать, миллион, пока не настанет моя оче...

...что?

Да быть того не может, чтобы не было желающих.

Спасибо.

Значит, я буду?

Я буду, да?

...слушайте, это как?

Это как это так, а?

Это почему?

Слушайте, мы так не догова...

...нет, я все понимаю, что вы меня уже не слышите, что разговор окончен раз и навсегда, уже все ясно, все точки расставлены, судьба расчерчена. И все-таки говорю кому-то, вы что, мы так не договаривались, почему я должен убивать, почему я должен сжигать дотла целые народы, топить целые острова, почему я собираю выживших среди руин когда-то великих городов, почему я говорю им, что здесь не останется в живых ни единой души, если они не повезут на мой остров караваны кораблей, груженные драгоценными камнями и заморскими пряностями? Почему я выискиваю в дальних краях умных людей, рублю им головы, в гулких трюмах везу эти головы на свой остров, сажаю под замок в темном подвале, чтобы они денно и ночью думали, как одомашнить камин, как оседлать море, как прицепить корзину к луне, как снять с поверхности воды зеркальную гладь и сделать из неё зеркало, как отразить в зеркале яблоко, и будет два яблока, потом отразить эти два яблока, чтобы стало четыре... И все будут смотреть на меня и восхищенно кивать – о да, это он придумал такое!

Я же просил...

Я же просил сделать меня Симплексом, Октахором Симплексом, бесстрашным исследователем, первооткрывателем, гениальным изобретателем, неутомимым странником – а не этим чудовищем, дьяволом во плоти...

– ...господин... вам сообщение...

Смотрю на крылатый телефон, который бьется в окно, надо бы сказать изобретателю, чтобы переделал телефон, чтобы тот не бился в окна, а нет, изобретатель уже истлел в подвале, а нового еще поискать надо...

...открываю ставни.

Впускаю продрогший телефон, даже позволяю ему укутаться в плед и устроиться у камина. Телефон просит глоток глинтвейна, фыркаю, обойдешься, будет с тебя и чашки чая.

– Вам сообщение, – повторяет телефон, протягивает мне листок.

Разворачиваю.

Читаю.

Не понимаю.

НИКАКОЙ ОШИБКИ НЕТ

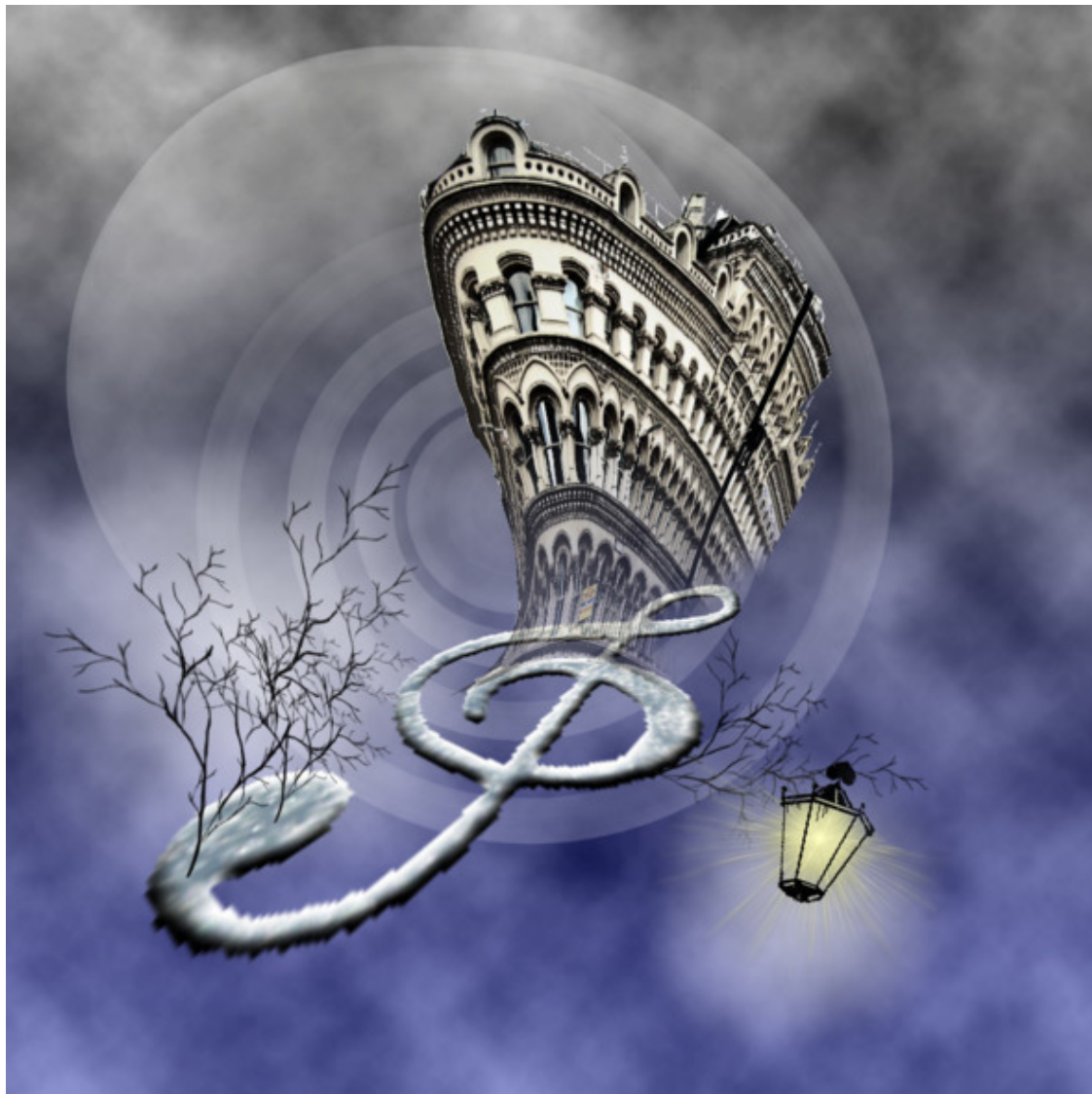
– Это что... это точно мне?

– Да, господин.

– Но...

– Да, господин.

Не спору с телефоном, в конце концов, это тупая железка, набитая шестеренками, не более, – так что это какая-то ошибка, сообщение, адресованное не мне...

Победившая буква

...известно, что каждая буква хочет одержать верх над остальными своими товарками по алфавиту – и кое-где им это удается. Есть, например, народы, и целые языковые группы, где буква Е добилась, чтобы её вставляли дважды – там говорят снеег, меееель, веееер, мееечта. Встречаются языки, в которых в начале каждого слова ставится буква А – они говорят алес, адом, аснег, аночь, арека. У многих народов отдельные буквы одержали еще более мощную победу – так, например, достоверно описан язык, где все буква У смогла уничтожить все остальные гласные, и человеку, не посвященному в тонкости языка, трудно бывает ориентироваться в словах вроде дум, дуругу, руку, нубу, вуду. Нужно немало мастерства, чтобы понять разницу интонаций, с которыми этот народ произносит дум – так они называют мысль – и дум, то есть, дом, вуду, – религию каких-то островов – и вода, руку, в смысле – река, и руку в смысле – дай мне руку. Еще сложнее различать эти тонкости на письме, где изредка «замеченные» У помечены чуть заметными черточками, да и то не всегда.

Но есть и более удивительные случаи. Чем дальше от цивилизованных городов, где научились держать буквы в узде, тем более странные формы обретает язык. Исследователям доводилось добираться до таких дальних краев, где в результате кровопролитных войн между буквами оставались семь, а то и пять букв, из которых складывались причудливые слова. Самое страшное и прискорбное, что в битвах между буквами погибают люди – сторонники той или иной буквы.

Ходят сомнительные данные, что где-то совсем далеко есть города, в которых та или иная буква одержала полную победу. Очевидцы рассказывают о племенах, где люди строят слова из буквы К, или И, или даже из твердого знака. Такой язык чрезвычайно богат интонациями, все тончайшие нюансы которых могут уловить только люди, говорившие на этом языке всю свою жизнь. На письме же разобрать оттенки смыслов бывает подчас еще сложнее.

Впрочем, есть и ярые противники этой гипотезы, которые утверждают, что изначально на земле существовали разрозненные племена, каждому из которых была дана всего одна буква, – но по мере того, как народы перемешивались, возникали двубуквенные, трехбуквенные языки, пока не дошли до нынешнего алфавита в триста тридцать три знака. Мало кто верит подобной теории, но опровергнуть её ещё никому не удавалось: власти даже обещали солидную премию тому, кто твердо докажет, правдива она или нет...

Палаты-Палац-Пэлес

... У нас война.

За замок.

Да, мы сражаемся за замок.

Нет, это не мой замок.

И не его...

– ...вы их видите?

Хозяин в отчаянии хватается за голову.

– Да нет же... нет...

Смотрю на него, понимаю, еще пара дней – и он сойдет с ума. Если уже не сошел.

– Это невыносимо... понимаете... невыносимо!

– Но если вы их не видите, то...

Он смотрит на меня, глаза безумные, с красными прожилками:

– Голоса... понимаете... голоса...

Если вам хозяин нужен, так вот он, выходит на широкий балкон из своего кабинета, попивает кофе.

Нет, мы его не тронем.

Не беспокойтесь даже.

Нет-нет, хозяину ничего не угрожает. Не волнуйтесь, все с ним будет хорошо.

Нет, мы не претендуем на замок.

Мы за него сражаемся.

– ...а... где именно?

– Нигде... – он смотрит в пустоту, будто старается увидеть невидимое, – и в то же время везде... – срывается на крик, – нет, я не выдержу больше, не выдержу!

– Успокойтесь... пожа...

– ...вам хорошо говорить, успокойтесь, а я их слышу! Каждую ночь!

Догадываюсь:

– Они мешают вам спать?

Он смотрит на меня, как на психа:

– При чем здесь это... вы что... не понимаете... голоса... голоса в пустом доме...

Палаты, – кричу я.

Палаты, палаты, палаты.

Пэлэс, кричит он.

Пэлес, пэлес, пэлес.

Нет, мы не взмахиваем мечами.

Не звенят клинки.

Не хлопают выстрелы.

Все, что мы можем – кричать, надрывая голоса —

– Палаты!

– Пэлес!

– Палаты!

– Пэлес!

Припоминаю какие-то премудрости про людей, которые долго оставались одни наедине с собой, отчего им начинало казаться, что они слышат голоса, видят какие-то причудливые образы...

Хочу сказать об этом.

Не говорю.

Осторожно спрашиваю:

– А что они...

– ...про палаты что-то.

– Что... про палаты?

– Да ничего. Палаты и палаты. И еще как-то... пэлс... пэлс...

Пожимаю плечами, такого слова я не знаю. Еще пытаюсь найти какое-то логическое объяснение, – стук дождя по черепичной крыше, шелест ветра в зарослях сосен, скрип старой лестницы – понимаю, что все не то, не то...

Я хочу крикнуть – Палаты.

Замираю, крик стынет в моем горле.

Я смотрю на него.

На непримиримого врага, которого я не могу увидеть – но все-таки смотрю.

Что я вижу, что мне померещилось на доли секунды – когда мне показалось, что я узнал в нем самого себя...

...прислушиваюсь.

Понимаю, что он не врал мне, что он не безумен, не околдован собственными фантазиями – я и правда слышу голоса там, в темноте замка, чуть подсвеченного тусклыми лампами. Дрожание света, движения теней по стенам, – так и кажется, что кто-то затаился здесь, кто-то прячется...

...и голоса.

Я слышу их – приглушенные, будто с той стороны времени и пространства, гулкие крики про палаты и пэлес...

...стряхиваю наваждение, что за бред, что мне видится здесь, в темноте ночи, снова кричу в битве за замок:

– Палаты!

Не слышу отклика, неужели мой враг сдался, почему он так изумленно смотрит на меня...

– ...понимаете... покинуть поместье... немислимо... – признается он мне.

Киваю. Понимаю. Немислимо. После того, что было вложено в этот замок, чтобы вернуть его к жизни спустя тысячу лет забвения на дне моря...

...наконец, он стряхивает с себя оцепенение, снова кричит:

– Пэлес! Пэлес! Пэлес!

– Палаты! – я должен перекричать его, я должен заглушить его, – Палаты! Палаты!

– ...и каждую тысячу лет вы возвращаетесь сюда?

– Да... когда уходит море.

– И как долго...

– ...тысячу лет, – он смотрит на меня затравленно, – потом снова теплеет... снова тает ледник в горах... возвращается море...

– ...и вы покидаете замок, покидаете долину, вы, все... возвращаетесь в горы?

– Да, в горы... – он смотрит куда-то за горизонт, – по обе стороны долины...

Хлопаю себя по лбу:

– Вы сказали... по обе стороны?

– Ну да, а что?

...спохватываюсь...

...начинаю понимать...

– То есть... сейчас здесь живут два народа, которые не видели друг друга две тысячи лет?

Он хватается за голову:

– Да какое мне дело до них, вы мне скажите, что в замке-то делается?

– Да вы хоть понимаете, что в те времена говорили на одном языке, а за тысячу лет на разных берегах языки поменялись?

– Ну, само собой...

– Вот именно! А теперь два языка встретились, и как вы думаете, узнали они друг друга?

– Через тысячу лет... гхм... смеетесь? Конечно же, нет...

...отскакиваем в ужасе.

Понимаю, поторопились, понимаю, слишком быстро приблизились друг к другу, обожглись – надо время, говорю я себе, нам нужно время, чтобы понять друг друга, чтобы привыкнуть, чтобы вспомнить то, бесконечно забытое, то...

– ...теплеет, – говорю я.

Сегодня я ночую в замке – с хозяином замка мне довелось познакомиться при удивительных обстоятельствах – много веков назад он вызвал меня, чтобы я прогнал из замка неведомую силу, которая оказалась...

...впрочем, это очень долгая история.

Смотрю на палящее солнце, сегодня оно жарит особенно нещадно.

– Теплеет, – говорю я.

Хозяин смотрит на равнину, залитую водной гладью, откуда робко торчат деревца – до замка вода еще не добралась, мы с хозяином гадаем, доберется она в этом году, или нет.

Сегодня каменные чертоги наполнились людьми, сюда собрался народ со всей округи, из затопленных городков – мы с хозяином обустроились в комнатухе наверху, но даже сюда долетает гомон бесчисленных гостей.

Теплеет.

Подступает вода.

– Люди пришли в палац...

Это хозяин сказал.

Смотрю на него, недоумеваю, почему не в палаты, не в пэлес – палац...

– Палац! – кричу я.

– Палац! – кричит он.

Оба.

Разом.

Хором.

Вернее, уже нет его, нет меня, есть... не я, и не мы, не знаю, как сказать, говорю – палац.

...только сейчас понимаю, как я вымотался за эти несколько дней, когда ехал в горы, приводил в порядок дом, побитый ледником, чтобы теперь можно было, наконец, упаковать вещи и поехать по дороге, ведущей в горы.

Бросаю прощальный взгляд на дом, кланяюсь, как велят обычаи.

Сажусь в машину.

Смотрю на замок, перед которым хозяин опускается на колени, прощается на долгие тысячу лет.

Замираю.

Прислушиваюсь.

...показалось...

...нет, нет – не показалось, все больше удаляются друг от друга два голоса, кричат, пытаются докричаться —

– Палац!

– Палац!

Расходятся, разлетаются за людьми, идущими к горным хребтам по разные стороны.

Кричат:

– Палац!

– Палац!

Хозяин смотрит на замок, спохватывается...

...бежит к нему вдоль подступающей воды...

Выводит на стене замка – крупно, размашисто —

ПАЛАЦ

...я вижу его...

Я понимаю – я вижу своего врага, я понимаю – нам предстоит бой не на жизнь, а на смерть, потому что замок, потому что —

– Палц!

– Полиес!

– Палц!

– Полиес!

...война...

За замок...

Они говорили, что мы люди

Я уже понял, что не узнаю правды.

Что они мне не скажут.

Уже понял – когда пожелал им доброго вечера, а они мне не ответили.

Меня еще удивило, что вот так, оба сразу, и дадди, и мамми, полулежали в креслах, перед шахматным столиком, я еще оглядел, оценил расклад, понял, что у белых нет шансов. Кажется, белыми играла мамми, хотя я не знаю, доска была повернута как-то неровно, наискосок от самой себя, если такое вообще возможно.

И я понял, что так и не узнаю правды.

И Ребекка тоже.

Должен сказать, что родители у нас были не просто строгими – их строгость была маниакальной, граничащей с безумием. В то время как всем остальным можно было гулять всю ночь, нас в девять вечера безоговорочно отправляли спать – приходилось лежать и пялиться в потолок, когда другие ходили в кино, или друг к другу в гости, или просто без дела болтались по улицам всю ночь. На завтрак обязательно были хлопья с молоком, и тосты с джемом – и родителям было глубоко наплевать, что все остальные прекрасно обходились без завтрака. Ужин пропускать тоже было нельзя, ровно в восемь мы должны были быть дома, и с чисто вымытыми руками сидеть за столом.

Консерватизм в нашей семье доходил до абсурда. Нам нельзя было пользоваться электронными книгами – от слова совсем, приходилось довольствоваться бумажными вариантами, учиться читать по буквам – в то время, как все остальные прекрасно закачивали информацию себе прямо в память. По вечерам полагалось читать вслух, и я надеялся, что об этом не узнают мои друзья, иначе бы меня подняли на смех – ну право же, кто сейчас передает инфу вот так, звуками через буквы.

Я уже не говорю про обязанность мыться каждый день – да-да, мыться под водой – и чистить зубы.

Они говорили, что мы люди.

Они всегда говорили, что мы люди – напоминали нам это денно и нощно.

Мы люди, повторял я, спрашивая себя, что такое люди.

Мы люди, говорил я, когда друзья звали залезть на крышу высокого дома или поплыть далеко-далеко в море.

Нас сторонились, потому что мы были люди, мы были готовы сторониться самих себя, потому что мы были люди. Я с завистью смотрел на друзей, которые меняли запчасти, как перчатки, иногда я сам пробовал купить запчасти, но у меня всякий раз спрашивали модель, а я не знал свою модель, и родители никогда не говорили мне модель, как я ни упрасивал, только отрезали – мы люди.

Но самое страшное случилось, когда я попросил у Джума закачать мне что-нибудь в память, Джум попробовал это сделать и признался, что не может.

Это было сегодня утром, когда я начал что-то подозревать, я еще сам толком не понял, что именно – но что-то было очень и очень не так.

Проще всего сделать что-нибудь запретное, сказала Ребекка. Прыгнуть с крыши, сказала Ребекка. Или уплыть далеко в море, сказала Ребекка. Я уже почти готов был согласиться, но спохватился, что в случае, если родители нам не ввали, запчастей для нас бы не нашлось, и копий нашей памяти тоже.

А потом мы пришли домой, чтобы узнать правду.

И поняли, что не узнаем.

Когда я пожелал им доброго вечера, а они не ответили.

Меня еще удивило, что вот так, оба сразу, и дядди, и мамми, полулежали в креслах, перед шахматным столиком, я еще оглядел, оценил расклад, понял, что у белых нет шансов. Кажется, белыми играла мамми, хотя я не знаю, доска была повернута как-то неровно, наискосок от самой себя, если такое вообще возможно.

И я понял, что так и не узнаю правды.

И Ребекка тоже.

Можно еще что-нибудь попробовать, говорит Ребекка.

Можно, говорю я, только что.

Ребекка несет две булавки, дает мне одну, я уже понимаю, что нужно делать, мы заносим булавки над запястьями, мы боимся, мы не можем решиться...

Олецичи

А Берта у себя сделает так, что школы не будет.

Совсем.

Ну, может, будет рисование или пение, раз в неделю, и не по утрам, конечно, не по утрам, а ближе часам к двум. По утрам вообще ничего не будет, по утрам спа-а-ать, и раньше десяти чтобы ничего-ничего не было.

Лиз, правда, узнала, пальцем у виска покрутила, ты чё, с дуба рухнула, или с луны, какое пение, мне в музыкалке этим пением всю душу вымотали, со-ло-вей-мой-со-ло-вей... тьфу! А Агния тоже пальцем у виска покрутила, и про рисование сказала, нафиг-нафиг, не надо, я родокам заикнулась, что рисовать хочу, они меня в художку отдали, задолбали к черту, тени все эти, полутени, язык теней... А что, у теней язык есть, это Берта спрашивает, а Агния руками машет, отмахивается, изыди, изыди со своим рисованием...

...нет, пение и рисование у Берты все-таки будет. Но не такое, чтобы со-ло-вей-мой-со-ло-вей, а такое, как в школе, чтобы интересно было. И рисование будет, они там карандашную пыль делали, спонжики в неё опускали, и так небо рисовали голубым и розовым, а потом белой краской облака, и черной – дерево, а потом клеим картинку смазали, и листики-цветочки из бумаги вырезали, и туда насыпали, и здорово было.

Вот у Берты так будет.

Еще Берта сделает так, чтобы не было зимы, этих двух недель в году, когда холод такой, дождь промозглый, а то и снег выпадет. Нет, снег чуть-чуть будет на Новый год, только не холодно будет, а тепло.

Еще Берта сделает так, чтобы картошки не было, а то её чистить надо, и копать надо. Или нет, пусть картошка будет, только такая, которая жареная уже, с рыбкой. И рыбка пусть будет, только чтобы её чистить не пришлось.

А вот болезней там, у Берты, не будет. Хотя нет, так-то иногда приятно поболеть, когда в ура, школу идти не надо, и можно в кровати целый день лежать, мультики смотреть. Хотя нет, если школы не будет, то и болеть не надо, потому что все равно в школу не идти. Или нет, иногда приятно вот так вот совсем ничего не делать, в постели лежать, мультики смотреть, а если не болеешь, то на фига лежать-то. Так что Берта еще не решила, будут у неё там болезни или нет.

Ой... и про школу еще не решила, школу-то, конечно, убрать надо, только не будет тогда радости этой, когда болеешь, и когда каникулы, особенно летние, и в школу не на-а-а-до-о-о-о!

Так что тут Берта еще не решила.

Берта все Лиз рассказала, и Ангии, а маме не сказала, а то мама умные вещи говорить начнет, а вот чтобы картошка жареная была, её посадить надо, и вырастить, и выкопать, и почистить... Ну, как будто нельзя придумать, как так сделать, чтобы и не сажать, и не чистить, и у плиты не стоять...

И языков у Берты тоже не будет, ну их нафиг, языки эти, скукотища одна, вон у Берты по всем языкам двойки в дневнике, ух, мама задаст...

Мама на двойки смотрит, кивает чему-то, не Берте, а будто бы самой себе, и говорит:

– А поедем.

Берта не понимает, как поедем, почему поедем, поедем – это когда у Берты пятерки одни, и вообще Берта молодец, вот тогда поедем куда-нибудь по самым интересным местам, а тут какое может быть – поедем, тут – марш в комнату, и чтобы все выучила, да на хрена это «все» нужно...

А тут – поедем.

Берта из маркета опрометью вылетает, визжит, за маму прячется, скорей-скорей-скорей домой-домой-домой, а не надо уже никуда ехать, только домой, домой, прыгает в экипаж, трясется вся...

...домой.

Берта просыпается.

Кричит.

Еще бы не кричать, страшно-то как, вон они возле кровати стоят, две лошадки, и черная, и белая...

...нет.

Так не будет.

– ...ну я вот не знаю, я лошадок этих из маркета взяла, думаю Берте отдать, она же хотела... А вдруг испугается? Впечатлительная она у нас.

– Ну а вы спросите как бы невзначай, надо ей или нет...

– Ой, еще испугается опять...

– Ну, не спрашивайте.

– А вдруг она все еще про этих лошадок жалеет?

– Да после такого не до лошадок ей будет...

– Слушайте, а может, напрасно мы это... не по-людски как-то... захоронить надо...

– Ну, они там лежат, считайте, это их захоронение...

– Да вообще как-то... город пустует, что бы там не поселиться... Починить всё...

– Не-не, пусть будет, вот так вот молодежь возить чтобы... Молодым в назидание...

...а Берта к Агнии пришла, а Агнии нет.

Агния взрослая уже стала.

Вот Агнии и нет больше.

Скучно без Агнии.

Ничего, Берта взрослая станет, Берта с Агнией встретится.

У Берты дом будет.

Высокий, выше облаков.

Чтобы вот так выйдешь утром на балкон, облачко на руку возьмешь, дунешь, оно – ф-ф-фух-х-х – полетело...

– Ма, а поедем?

Ну вот, сейчас мама скажет, а не сегодня, а дел много...

– А поедем.

И все поехали, и папа, и мама, и Берта.

А там хорошо было, куда поехали, там городок живой, настоящий, там аква-парк есть, здорово так, там играть можно, только все не по-нашему говорят, не по-бертиному, Берта не понимает. А Берта с ними играть хочет, а они не понимают, что такое играть, у них нет такого слова. А есть слово граци.

Это мама подсказала.

Берта запоминает.

Играть – граци.

Вода – васа.

И много еще чего.

...ладно, у Берты школа будет, и языки будут, и математики там всякие будут, только контрольных чтобы поменьше, и чтобы в школу вставать попозже. И каникулы подольше, вот это обязательно, чтобы ура, каникулы. А дом высоко Берта строить не будет, Берту после аквапарка на небоскрёб повели, там, где облака, там каша из тумана, Берта окно открыло, холодно там, мокро, бр-р-р-р...

...а его зовут Стим.

Берта пока мало что поняла про него, только что он – Стим.

Он хочет картошку сделать такую, чтобы копать и варить не надо было, чтобы сразу готовую. Он так объяснил, где-то жестами, где-то еще как.

Стим.

...а вот еще, в мире Берты двоек не будет, кому они нужны, двойки эти, опять понаставили до фига и больше, и мама головой качает, и папа головой качает, будто это Берта виновата, а Берта не виновата совсем, это ж училки ей двоек понаставили...

...так что двоек у Берты тоже не будет.

Там.

В её мире.

Когда Берта взрослая станет.

Берта считает, вот сейчас ей пятнадцать, всего три года осталось, и Берта взрослая будет. И школы не будет... хотя нет, пусть будет немножко, у детей бертиных, и дом будет, и городок будет...

А сегодня День Первых.

Мама говорит, раньше когда-то на День Первых к Первым ходили.

Это раньше было.

Потом народу много стало, теперь просто на День Первых по видео на Первых смотрят.

Берта язык Первых знает.

Как не знать.

Первые же.

И язык Стима знает, ну а как не знать, Стим же.

Вечереет.

На колени опускаются.

Смотрят на Первых. Их семеро, две семейные пары, муж и жена, еще двое мужчин, и женщина.

Первые смотрят на своих потомков, благословляют.

Берте на День Первых маленький экипаж подарили через миры ездить. Ну и так, по городу. Ну и сказали всякое, чтобы сама-одна только очень-очень недалеко, а то мало ли.

А сегодня день для Первых.

В этот день уже выходного нет, и подарки никому не дарят, в этот день сами Первые там что-то вспоминают, идут к какой-то границе, она на шоссе белым очерчена, что раньше оттуда сюда через эту границу как-то можно было пройти, а теперь ни оттуда, ни туда не пойдешь.

Вспоминают что-то. Как там раньше было. Говорят что-то, как там сейчас, да кто же знает, как там сейчас, сколько веков прошло, да вы что, каких веков – да, веков, а вы как хотели, сами считайте...

...Берта считает.

Первые – семь.

Вторые – семь, да первые семь – четырнадцать.

Третьи – девять, да первые семь, да вторые семь – двадцать пять.

Четвертые...

...а ведь спрашивать будут, всё будут спрашивать, контрольная сегодня, кому она нужна, контрольная эта, да еще и с утра пораньше, с утра пораньше спать надо, еще и в такую погоду, когда зима, и дождь моросит, а потом дома сидеть, а не в школу ехать, вот Берта у себя сделает так, чтобы когда вот такая погода, чтоб никакой школы, и дома сидеть, до полудня спать, потом в кровати мультики смотреть, и чтобы зефир был в шоколаде.

...экипаж подрагивает на поворотах, к школе все ближе, ближе...

...Берта выворачивает в соседний мир, там сегодня чуть теплее, и дальше, в тот мир, где чуть прохладнее, и в мир, где ёлочные игрушки крутые продают, а потом в мир, где мебельный магазин здоровский, а потом в мир, где аквапарк.

И где Стим.

Берта останавливается на повороте, ждет. В сером тумане показывается чей-то силуэт, нет, не Стим, кто-то другой, Берта делает вид, что поправляет что-то в экипаже, только бы прохожий не остановился, только бы спрашивать не начал, а может, чем помочь, а ты откуда, а что тут делаешь...

Нет.

Проходит мимо.

Берта ждет.

В тумане показывается Стим, Стому на-днях досталось, что в школу не ходит, кроме химии своей не видит ничего, хочет картошку изобрести, которую чистить не надо...

Стим.

Это Берта зовет.

Стим.

Стим видит Берту, Стим все понимает, прыгает в экипаж, Берта нажимает полный вперед, через миры, миры, миры, черт, чуть не наехали на кого-то, мимо, вперед, скорей, скорей. Берта знает, если к центру двигаться, там Первые, а если от центра, там Последние, там где-то городок, где Агния живет, там вроде еще можно на окраине поселиться, место есть...

...только Берта со Стимом там не поселятся, они новый мир найдут, где еще никого нет, совсем-совсем никого, там все ихнее будет, только ихнее, и все по-ихнему будет, только по-ихнему, ну и что, что нет такого слова, а у них будет такое слово, вот будет, и все. И облака будут, которые не сырой туман, бр-р-р, а легкие, пушистые, чтобы облачко на руки взял, – ф-фу-х-х – оно полетело, и... и школы не будет, Берта со Стимом так сделают, чтобы дети сразу все знали безо всякой школы, и всегда были каникулы. И чтобы электростанции такие были, чтобы построить их раз и навсегда, и не ломались больше, и... и кто сказал, что это невозможно, а кто-нибудь пробовал вообще, пробовал, да? Стим рассказывает что-то из истории, что да, пробовали, все пробовали, кто на новую землю приходил, те и пробовали, чтобы было вот так... а потом вообще все по-старому получалось, и в школу ходить, и на работу ходить, и учить всякое, и чинить всякое...

А у нас получится, говорит Берта.

Просто.

Получится.

Потому что.

У нас еще лошадки будут на двух ногах, и чтобы в платьях.

Берта ведет экипаж к последним мирам, сбавляет скорость.

Замирает на границе последнего мира, снова жмет на вперед...

...и...

...и ничего.

Мертвая пустота, насколько хватает глаз. Туман, говорит про себя Берта, туман, чтобы хоть как-то понять это пустое, мертвое, безжизненное...

Ну, привет, говорит Берта.

А привет, говорит Агния.

Недоуменно смотрит на Берту, как Берта, почему Берта, откуда Берта, зачем Берта, рано еще Берте вот так, в собственный дом, и Стиму еще рано...

А вот Берта.

И Стим.

И дом у Агнии на окраине городка, на опушке леса, уютный дом, с большой гостиной, и спальня наверху, и две комнаты под детскую, и сосны за окном...

...собрались в доме у Стима и Берты, празднуют новоселье.

А Агния сказала, что никому про Стима и Берту не расскажет, никому-никому.

Вот честно.

И зефир в шоколаде едят.

И Лиз поёт, со-ло-вей-мой-со-ло-вей. А ведь сама себе клялась больше ни в жизнь, и к пианино клялась больше близко не подхо... да какое пианино, вообще клялась, что в доме пианино никакого не будет, а теперь вот нате вам, и пианино откуда-то в доме поселилось, и со-ло-вей-мой-со-ло-вей...

Темнеет.

Зажигают свечи, сегодня вечер такой, что свечи, и пламя камина.

А вы чего так рано со Стимом, спрашивает Агния, а Лиз на неё шикает, да чего рано, много кто рано, это же ждешь – не дождешься, пока взрослым станешь. Да пока не станешь, ждешь-не дождешься, кивает Агния, а потом, когда взрослые, когда своя земля, и всё сами-сами, уже так хочется назад, когда еще не все сами-сами...

Берта говорит, а мы дальше были, а дальше ничего нет.

И Агния в лице меняется.

И Лиз в лице меняется.

И все-все в лице меняются.

Кто-то даже чашку роняет, пугается.

Агния телефон берет, лица на ней нет, на негнущихся ногах идет к телефону, набирает номер...

Берта ждет, что её хоть о чем-то спросят, – нет, ни о чем не спрашивают, никому до Берты дела нет, уже сами все туда пошли, посмотрели, что там – там, где ничего нет.

И лица на всех нет.

Собираются, говорят, что ж дальше-то будет.

Страшно всем.

В жизни не думали, что такое случится, а тут нате вам.

Первые говорят.

Непонятное что-то говорят.

Берта не понимает, это как это вообще, был человек – и не станет, а куда денется, а почему не встанет, и не пойдет, что, совсем не встанет и не пойдет, как станет землю, это что за профессия такая, ну есть инженер, есть пекарь, а что значит, землю стать...

И дальше Берта не понимает, а что значит, земли не хватит, что значит, хлеба не хватит, а воды не хватит, это как, вот она, в реке, а почему это когда не хватает, люди собираются, и идут делать так, чтобы других людей не было, а это как это...

Берте пытаются что-то втолковать, ну вот, была ты в городе, где руины одни, видела там в маркете... да не лошадок, другое...

Берта вздрагивает.

Берте не по себе. Здесь, в доме Первых.

Берта не понимает, почему так.

Почему они будут жить в доме Первых.

Почему они – и вдруг в доме Первых.

Почему тут спальня им будет, а тут гостиная, а детской не будет.

А Первые куда, спрашивает Берта.

А мама не объясняет.

И папа не объясняет.

Показывают, вот здесь семь холмиков будет, к каждому холмику надо будет цветы принести.

Ну, вот так.

Потому что.

Берта начинает понимать.

Стим начинает понимать.

Первые вспоминают.

Как кто-то кому-то когда-то бесконечно давно обещал, а мы уйдем туда, где не будет смерти, совсем не будет, и всем всего будет хватать, и войны не будет, и все будет хорошо...

Вспоминают.

Сидят за столом.

Семь бокалов на столе.

Надо выпить залпом.

И все.

А боязно.

...замирают...

...вспоминают что-то, бесконечно забытое, как пришли откуда-то оттуда, где люди землю становились, и хлеба на всех не хватало, ии одни люди делали так, чтобы других людей не было, а они семеро от всего от этого ушли, и...

...мама Берты распахивает двери, вбегает в дом, кричит – от волнения кричит на своем языке:

– Олещичи, олещичи!

Семеро оборачиваются, не понимают.

Мама Берты кричит уже на их языке, на языке Первых:

– Улетели! Улетели!

– Да кто же?

– Да куда же?

Спрашивают, уже понимают, кто и куда.

Экипаж летит, рассекает бескрайнюю серую пустоту.

Берта обнимает Стива, перешептываются.

А там дальние берега, говорит Берта.

Берега, говорит Стив.

А там дети учиться не будут, сразу все знать будут, говорит Берта.

Будут, говорит Стим.
А там ничего рушиться не будет, там все на века стоять будет.
Будет, говорит Стим.
Не веришь, обижается Берга.
Верю.
Да вижу, что не веришь.
Ну как верить-то...
Ну, вот так верить, те семеро вот тоже верили, что туда попадут, где не будет...
...замирает, теряется, не находит слов, нет слова, когда одни люди делают, чтобы других
людей не стало, нет слова, когда хлеба на всех не хватает, нет слова когда был человек, и нет...

Приключеник

Этапы взросления

Первый этап.

Юный заворожено любит на красочные картинки, восторженно ахает.

Второй этап.

Юный смотрит на отдельные предметы на полях картинок в книжке, ищет точно такие же предметы на большой картинке, – башни, церкви, пирамиды, машины на улицах, подсвечники, рыцарские доспехи...

Третий этап.

Юный учится узнавать буквы, складывает из них слова, од-наж-ды Прик-лю-че-ник решил от-пра-вить-ся-в-е-ги-пет-что-бы-пос-мот-реть-на-пи-ра-ми-ды...

Четвертый этап.

Юный начинает сомневаться, критически подходить к прочитанному, задавать вопросы – а почему Приключеник носит с собой кучу чемоданов, если мы все едем налегке, почему Приключеник носит какие-то документы, когда мы прикладываем чип, почему он тащит с собой кучу полотенец, если полотенца есть в гостиницах. Почему грузит в чемодан ласты, маску, доску для сёрфинга, когда все это можно взять в аренду на берегу, и уж тем более, почему кладет в рюкзак баллоны с кислородом, хотя очевидно, что в самолет его не пустят с таким опасным грузом.

Пятый этап.

Юный начинает сравнивать истории из книжки с фактами о реальной жизни, начинает спрашивать, а почему Приключеника так просто пустили в Ирак, там же сейчас война, а как же его пустили в Китай, там же эпидемия, а как же он поехал в Шотландию, это же часть Англии, а-а-а, это он уже после разделения поехал, но все равно, чтобы в Шотландию визу получить, надо, чтобы на родине был дом, ну или хотя бы квартира, а Приключеник у дядюшки с тетушкой комнату снимает. А как ему так быстро визу дали, там же визу месяц оформляют, а как же он в Америку так легко визу получил, без собеседования. А из какой страны сам Приключеник, спросит юный. Здесь старшие должны объяснить юному, что Приключеник из той же страны, что и сам юный – зря, что ли, в начале книги находится пробел, который можно заполнить.

Шестой этап.

Юный уже настолько умный, что начинает понимать – Приключеника не существует, это вымышленный персонаж.

Седьмой этап.

Юный уже настолько умный, что начинает понимать – не существует никакой Африки, Америки, Европы, всех этих стран, континентов, городов – это тоже выдумка автора, как и Приключеник.

Восьмой этап.

Юный настолько умнеет, что догадывается, что он и сам не существует, что он сам тоже только выдумка.

...правда, сейчас появились тревожные слухи о Юных, которые так и не миновали три последних этапа – самое жуткое, что они играют роль взрослых законопослушных граждан, покупают в киоске очередную выпуск «Приключеника», приносят домой, восторженно листают...

- ...вы говорите – не выходил из квартиры?
- Да, уже неделю как.
- А раньше такого не случалось?
- Никогда.
- Может... болеет? Или... того... в запое?
- Да нет, никогда он не пил...
- Ну... никогда не говори никогда... Вообще не нравится мне это, сейчас такие болезни ходят, что вообще страшно становится...
- Ну, давайте... ломать будем...
- Еще постучим...
- Да застучались уже... Э-э-эй, господин, открывайте, полиция!
- Черта с два он откроет...
- ...а ничего у него тут, чистенько...
- Опрятненько так...
- ...никого нет...
- Стойте!
- Что такое?
- Журнал...
- А-а-а, Приключеник, детство босоногое... что вы там смотрите?
- Этого ищу...
- Да некогда нам тут картинки смотреть, этого искать надо...
- ...вот я этого и ищу...
- Где? В книжке?
- Ну, вы будете смеяться, но вот же он... на углу возле картинной галереи... Черт, ушел!
- К-куда ушел?
- Да вот... за угол...
- Это уже восьмой случай за неделю...
- Да вы что?
- Да я-то что... вот они-то все что... Ладно, давайте в отдел... Что вы там смотрите, хотите, чтобы и вас туда затянуло?
- Не... но... гхм... как вам сказать...
- Давайте одним глазком... что там... Испания... осторожно... чер-р-рт!

Рецензия на ненаписанное

...ну во-первых, вы говорите, что ваш герой въезжает в туннель, и видит впереди гладь пролива. Вы хоть в курсе, какое расстояние от начала туннеля до берега? Вы бы хоть удосужились посмотреть на карту, прикинуть масштабы и размеры.

Далее. Вы пишете о потоке машин в туннеле. Под Ла-Маншем. Потоки машин. Вы хоть в курсе, что будет, если пустить по такому туннелю шоссе? Как думаете, много людей выживет в автомобильных выхлопах? Вымарайте эти строчки, просто вымарайте, запомните раз и навсегда – в туннеле только железная дорога, машины грузят на поезда. Так что про поток машин, пробки и красные стоп-сигналы впереди можете забыть. И тут же вылезает еще одна ошибка: вы пишете, что машина героя движется справа, но в туннеле, как и в самой Великобритании, движение левостороннее.

Дальше. Его сердце гулко билось в голове. Запомните раз и навсегда, что сердце у человека в груди, и нигде больше. Человек с сердцем в животе, в голове, еще где-нибудь не прожил бы и нескольких месяцев.

Вы пишете, что герой бежит во Францию от проблем в семье, но совершенно не упоминаете, что за проблемы терзают героя. Или мы сами должны догадаться по тому, как в его воспоминаниях супруга заламывает руки и кричит что-то про то, что тот обязан остаться на праздничный ужин? Если он не любит Эдит и её семью, зачем он женился на Эдит? Непонятно.

Ну и то, что вы дальше пишете, уже вообще ни в какие ворота. Нелегал идет сто километров по туннелю (хоть бы удосужились посмотреть, что длинна туннеля всего пятьдесят километров), чтобы попасть в Англию? Вы хоть сами себе представляете, что значит пройти так много, и...

ВАМ СООБЩЕНИЕ ПРОЧИТАТЬ

...прошу прощения, ну, если правда был такой случай, что поделаться, против фактов не поспоришь. Хотя вот это сомнительно, что он отпивает из бутылки воду, часть воды выплескивает на голову, умывается. Сомневаюсь, что кто-то будет так расходовать драгоценную воду.... А нет, извините, читаю дальше, изнывает от жажды, проклинает себя, вспоминает каждую каплю воды. Да, это больше похоже на правду.

Дальше вы говорите, что герой смотрит в боковое зеркало, и не видит свое отражение. Так он его там и не увидит, скажу я вам, в боковом зеркале отражаются машины сзади, а не лицо водителя. Так что напишите как-нибудь по-другому, что он пропал – например, что не видит свои руки на руле или еще как-то. Вот с исчезновением нелегала у вас очень удачно получилась сцена – у него падает рюкзак, он наклоняется, чтобы подобрать, и понимает, что подбирать нечем, он не чувствует свои руки, он понимает, что их нет.

Далее. Зачем вы так подробно описываете туристический автобус? Зачем нашим читателям знать, как тщательно надо прятать вещи, закрывать верхние полки, не ставить ничего в проходы – как будто это для кого-то не очевидно. Героиня сидит, смотрит в окно – что она там видит? Что, так интересно смотреть в стену темного туннеля? Дайте ей хоть книжку какую-нибудь или телефон с видео, пожалейте женщину...

Ну и дальше. Она поворачивается, и не видит рядом саму себя. Ну, если повернуться, конечно, самого себя не увидишь, кто бы сомневался...

ВАМ СООБЩЕНИЕ ПРОЧИТАТЬ

...а, извините, она на отражение свое смотрит, теперь понятно. Но стоп-стоп, она обращается к себе самой, это вот как?

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

...ну, вы бы это как-нибудь поподробнее рассказали, что героиня мысленно разговаривает сама с собой. И мечется по всему миру, от страны к стране в поисках себя.

Читаю дальше, все больше прихожу в ужас. Уважаемый автор, вот вы упоминаете Доггерленд, а потом у вас хватается дерзости заявлять, что якобы, затонувший остров Доггерленд был на месте пролива Ла-Манш! Автор, вы бы хоть географическую карту потрудились погуглить. Нет, я не спорю, на месте Ла-Манша тоже когда-то была суша, но это был не Доггерленд, плато Доггерленд, впоследствии ставшее островом, располагалось намного севернее.

Ну и, наконец, уважаемый автор, с чего вы взяли, что в Доггерленде были города, святилища, храмы? Я сколько ни искал, нашел только что-то про скотоводов, охотников, рыболовов, – но уж никак не про святилища и города.

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Ну, хорошо, предположим, фантдопущение. Но с географией вы все-таки что-нибудь сделайте, а то что-то сильно много у вас фантдопущений получается.

Потом я категорически настаиваю, чтобы вы переписали главу, где туристка, человек из Лондона и беженец мечутся по туннелю, ищут самих себя. Как туристка вышла из закрытого автобуса? Ах да, она же пропала, её нет, вот она саму себя ищет. Но зачем тогда мужчина открывает дверь автомобиля? Он тоже мог просто покинуть авто и перемещаться по туннелю. Я не чувствую тревоги, я не чувствую, как нарастает паника, как люди пытаются биться головой о стену – но не могут, потому что их нет. Не стен, а голов.

На каком языке они говорят? Про сирийца в начале сказано, что он не знает английского, туристка из Белоруссии знает по-английски пару фраз, а англичанин где-то в начале книги вспоминал, что изучал испанский еще в школе. Так как они понимают друг друга, тем более, если говорят длинными связными фразами, а не на уровне – Добрый день, Спасибо, До Свидания? Если пропавшие люди говорят не словами, а как-то иначе – об этом нужно упомянуть.

Как они чувствуют, куда именно увез их похититель? Откуда они знают, что нужно покинуть туннель, подняться наверх, на дно моря? Как вообще похититель смог перенести их тела из туннеля на дно моря в полуразрушенный храм? Если тела оказались на дне морском, они уже мертвы. Или жрец кельтов что-то делает с телами, не дает им погибнуть?

Главы о том, как они все трое выбираются из туннеля, идут по дну пролива, видят руины храма, заходят туда, видят свои тела, запертые в клетке святилища – откровенно скучно. Автор, вы сами себе плохо представляете то, что пишете. Да покажите вы эмоции людей, чья судьба вынесла на дно океана! Да вы хоть потрудитесь посмотреть фауну на дне пролива, вы хоть прикиньте, на такой глубине видно солнце, или нет! Ну, хорошо, светятся сами руины, но вы подчеркните, что это именно свет руин, а не солнца сквозь толщу воды. Кстати, со свечением руин тоже поосторожнее – читатель может подумать, что там была атомная катастрофа, не меньше.

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Прочитал ваш роман до конца. Теперь многое встало на свои места, правда, не все. Знаете, даже я, человек чуткий и проницательный, с трудом догадался, что на самом деле все наоборот, и сюжет переворачивается с ног на голову:

– Какой... какой сейчас год? – спросила Всемила.

Луг задумался, – Всемила догадалась, что он пытается перевести свое летоисчисление в Григорианский или какой там календарь.

– Три тысячи... три тысячи...

«Можете не продолжать» – подумала про себя Всемила: ей стало страшно при одной мысли, сколько прошло веков...

– Мы... мы мертвы? – догадался Кланки.

– ...уже много веков, – ответил Луг.

Кланки покорило, – уже второй раз за этот день он испытал сильнейшее потрясение, и всё, что казалось важным секунду назад – найти себя, вернуть себя, – отошло куда-то даже не на второй, а на какой-то сто пятнадцатый план. Проблемы же сегодняшнего утра – послать все к черту, уехать куда подальше – казались бесконечно далекими.

Всемила попыталась представить себе эту бесконечную череду веков – но воображение отказывалось ей подчиняться...

Вот над этим фрагментом надо бы как следует поработать. Ну и как-то слишком быстро наступает развязка, в которой мы узнаем, что Луг похищает души, запертые в туннеле не для того, чтобы скормить их каким-то кельтским божествам, а чтобы высвободить души, которые запутались сами в себе, в своем прошлом, в своей жизни.

И вот здесь вы, уважаемый автор, пожалуй, делаете самую большую свою ошибку: только сейчас вы вываливаете на читателя все прошлое героев, всю подноготную. Только теперь мы узнаем, чего стоило Кланки пробиться из маленького шотландского городишки в крупную столичную фирму, в высший свет, чего стоила ему свадьба с Эдит (только теперь мы узнаём, зачем была свадьба с Эдит), потом было неумолимое чувство, что жизнь катится куда-то в никуда, утренний скандал, бегство из дома, в машину, во Францию, почему во Францию, он и сам не понимает, прочь, прочь, в никуда...

Вот эти истории героев – Фарида, который бежит от нищеты в своей деревушке, Кланки, который пытается прожить не свою жизнь, Всемила, которая ищет, сама не знает, что, бежит по миру не то от самой себя, не то в поисках самой себя – все эти вещи валяются на читателя как снег на голову. Лучше распределите эти подробности по книге, – тут Кланки волнуется, как волновался в день собеседования в крупной компании, тут Всемила вспоминает слова родных – чего тебе дома не сидится, что тебе еще надо, тут Фарида бежит от своих трех жен, от оравы детей, от маленького домишки из рекламных щитов, от какого-то тягостного беспросвета...

Так вот, все эти подробности разбросайте по книге. Пусть читатель постепенно догадывается, что движет героями, от чего они бегут, чего ищут. Пусть понемногу становится понятно, почему Кланки так недолюбливает Фарида, почему он сразу обвиняет бродягу, что это тот крадет людей у них самих. Пусть в памяти Всемилы вертятся жуткие рассказы о том, что беженцы делают с женщинами – тогда станет понятно, почему Всемила падает в какой-то там водосток (откуда он там? Что за водосток? Вы чертежи туннеля смотрели?) и не торопится принять помощь незнакомого смуглого парня.

А следующие главы вообще ни в какие ворота не лезут. Ну ладно, я еще могу поверить, что Кланки уже готов признать, что все это время жил не своей жизнью, готов расстаться с этой не своей жизнью, бросить все, вспомнить что-то бесконечно забытое, кем он хотел стать, но не стал... Кстати, почему именно комиксы? Если в молодости Кланки был так помешан на комиксах, то он мог сделать на них неплохую карьеру, что его вообще потянуло в Сити?

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Ну, вот как-то сомнительно, что человек может так сильно зависеть от общественного мнения, свято верить, что лондонский Сити – это вершина мира, и вообще.

Но если эта глава получилась более-менее убедительной, то все остальное просто не лезет ни в какие ворота. Как, по-вашему, какой переворот должен произойти в сознании Фарида, чтобы он решил вернуться в свою нищенскую лачугу и превратить грязный, бедняцкий город в столицу мира? Ну, хорошо, он помирился с Кланки, ну хорошо, давно умерший Кланки отвез давно умершего Фарида в город-призрак, на вересковые пустоши, где от Лондона остались одни руины, ну хорошо, Кланки показал Фарида город, – каким он был в двадцать первом веке, шумные улицы, огни реклам, причудливые иллюминации над тротуарами, чад пабов,

красно-синие сувениры... показывает историю города, древние гравюры, которые показывают старый деревянный Лондон, душный, смрадный, и не верится, что за пару столетий он стал вот таким... Ну, во-первых, уважаемый автор, не надо романтизировать Лондон, называть его столицей мира. И я никак не поверю, что увидев всё это, Фарид воодушевится мечтой сделать такой же прекрасный город у себя на родине. Лично я очень глубоко сомневаюсь, – нужны века и века, чтобы изменить менталитет...

Ну и напоследок – я не понимаю, что ищет Всемила, если она сама признается, что не знает, что ей нужно. Что она ищет? Почему жрец не может ей помочь? Почему Всемила в конце концов уходит куда-то к звездам – ей мало путешествовать от города к городу, теперь она будет странствовать от звезды к звезде? У меня такое чувство, что даже вы, автор, этого не понимаете.

Немало вопросов по поводу самого жреца в древнем храме. Я не нашел ни одного упоминания про других людей. Жрец живет здесь совсем один? Но в таком случае откуда он берет еду, одежду – в рассказе ни разу не упоминается, чтобы он делал что-то в огороде, или в курятнике, или у него были какие-нибудь овцы, козы, свиньи... Если он живет не один, рядом есть какая-то деревня, городок – об этом тоже не упоминается ни слова. Я понимаю, что быт самого жреца не так уж и важен, и вам хочется овеять его ореолом чего-то мистического, потустороннего – но жрец-то как раз живой, реальный, из плоти и крови, так что...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

...Ну, если его кормят жители городка, так опишите намеками-намеками шпили городка вдалеке, как там по вечерам загораются огни, разбросайте по тексту пару абзацев, как в святилище приходит какая-нибудь крестьянка, несет корзину яиц, или молодой пастух несет свежий козий сыр, подарок от своей жены... Кстати, местные жители не будут кормить жреца просто так, за спасибо – он должен что-то делать для них, например, быть знахарем, лечить людей, или читать проповеди...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Ну, что-то я сомневаюсь, что жреца кормят просто за то, что он помогает душам умерших обрести себя. Нужно как-то убедительнее, например, жрец обещает жителям городка, что после их собственной смерти он поможет заблудшим душам развязать свою карму, обрести самих себя?

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Ну, если все люди тридцать первого или какого там века еще при жизни развязывают все кармические проблемы, или вообще их не создают, то жрец им не нужен, и кормить они его не будут...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Что значит, видели собственными глазами?

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Нет, ну я с вами серьезно, а вы...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Ну да, конечно, мертвый я...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

ПРОЧИТАТЬ

Стойте... и правда... вы... вы куда меня дели?

ВАМ СООБЩЕНИЕ
ПРОЧИТАТЬ

Так, я пока сам все это своими глазами не увижу, я не поверю. Даже не просите.

ВАМ СООБЩЕНИЕ
ПРОЧИТАТЬ

Так что да, я иду в ваше святилище, или что у вас там... встречайте. Козий сыр не надо, и лепешки тоже, я уже не живой...

ВАМ СООБЩЕНИЕ
ПРОЧИТАТЬ

...ну, знаете, я так даже навскидку и не скажу, что со мной не так, что у меня в жизни было такого... Ну, если бы все в порядке было, меня бы уже здесь не было, правда, я бы уже был бы где-то там... Не знаю... Разбираться надо... вспоминать...

Что-то из дома

...его казнили за ересь – ну, нужно же было найти какой-то повод, какую-то причину, ну не за кражу же казнить, ведь он ничего не крал, вот так бывает, да, жил человек, ничего не крал. И не за убийство же его казнить, ведь убивать ему тоже не доводилось – так вот как-то обошлась у него жизнь без дуэлей – так что за убийство его тоже судить не получилось бы. И жены он чужой не желал, и долги отдавал в День Долгов, и брал в День Займов...

Так что казнили за ересь.

Ну а если не ересь, то что же это еще?

Она и есть.

Это ж надо же было такое ляпнуть, надо же было такое сказануть про дома.

Ни за что не догадаетесь, что он про дома сказал.

...что в них можно жить.

Вот так – не в зарослях вдоль дороги, не на деревьях, не в чистом поле, – в домах.

Кто-то еще пытался за него заступиться, обратиться в шутку, вот как сострил человек, в доме решил жить – но уже все понимали, что шуткой здесь не отделаться, будут казнить.

Казнили в полночь, как положено, труп сожгли на костре, тоже как положено, пели псалмы.

Первый раз такое.

Нет, так-то всякое было, одного казнили за то, что повозку на колесах выдумал, чтобы легче было ехать по дороге – его казнили. Другой выловил в лесу что-то копытное, фыркающее, обвязал веревкой, подложил плед – чтобы было удобнее – другого тоже казнили, а то мало ли, ишь, чего выдумал.

Шли дальше по дороге, останавливались на ночлег, жгли костры, слушали песни Странствий, смотрели на звезды.

Сегодня мне показали картину.

Луиза показала.

Осторожно.

Из-под полы.

Странная картина, на которой не было неба, совсем не было, и стены домов со всех сторон, я первый раз такое видел, чтобы стены были со всех сторон, – ну два дома рядом, ну три дома, ну не четыре же.

Потом казнили Луизу.

Я так и не понял, за что, и вообще, это было неправильно, нет, ну я понимаю, других казнят, за ересь там, еще за что, но не Луизу же, потому что то другие, а то Луиза...

Кто-то где-то когда-то мимоходом шепнул мне, что там, на картинке, было не четыре дома, а один. Этого я уже никак не мог понять, как четыре стены, прижатые друг к другу, могут быть одним домом.

Не могут.

Просто.

Не могут.

Шли по дороге.

Боялись остановиться, боялись замешкаться, боялись того, что подкрадывается сзади, хотя никто никогда не видел, чтобы что-то было там, сзади, но раз шли от чего-то, значит, что-то было, как же иначе.

А завтра казнят этих.

У которых нашли два подсвечника.

Это один из советников сказал, что если подсвечники у них – значит, этих двоих казнить надо.

Тут уже мы не выдержали, вмешались, почему за подсвечники казнить, что за дела такие.

Ну как же, говорит советник, видели вы, чтобы такие штуки где-нибудь снаружи валялись? Не видели, то-то же. Значит, где они их взяли? В доме. То-то же. Значит, в доме были, а где это видано, чтобы в доме бывать?

Тут-то у советника и спросили, а ты-то сам откуда знаешь, что в доме такие штуки есть? Советник еще отпирался, ну, знать не знаю, а откуда им еще быть, на улице же нигде такого нет...

На эшафот отправили всех троих, и этих, которые с подсвечниками, и советника тоже.

И правильно.

Потому что нечего тут.

Потом спохватывались, тихонько думали про себя, а откуда вообще это слово взялось, подсвечники, а ведь взялось откуда-то, как будто...

...нет, нет, не думать...

Вечером судили да рядили, можно ли собирать что-то на крыльце дома, фонари, например, чтобы удобнее освещать путь, или там коврик какой взять – наконец, решили, что можно, но только по большим праздникам, и вообще не очень-то увлекаться, а то мало ли.

Потом пропали четверо.

Нам сказали – ушли в дома.

По вечерам осторожно перешептывались, а что там дальше с ними случилось в домах, а живы они вообще или нет, да нет, конечно, вы сами подумайте, как в доме можно остаться в живых, это же дом... Смотрели на огни, которые зажигались в домах по вечерам, волей-неволей искали движение силуэтов, не находили.

Потом была Кора.

Это было странно, тем более странно, что Кора ничего не знала про дома, и не говорила про дома, и вообще немислимо было сопоставить, чтобы Кора – и дома. Это же не Луиза, которая осторожно показывала картину с не то с четырьмя домами, не то с одним домом, и не Аглая, у которой был подсвечник неведомо где найденный. Это была Кора, у которой даже и мысли не было, что есть где-то какие-то дома.

Потом была свадьба, со свадьбой тоже нельзя было говорить про какие-то дома, у свадьбы тоже и мысли не было, что есть какие-то дома.

Потом Кору не стало...

...нет, не так, вернее, сначала я понял, что её скоро не станет, её унесёт зима, её унесёт хворь, зима всегда кого-нибудь уносит.

Иди в дом, сказали мне.

И нет, даже не сказали. Это были обрывки слов, обрывки фраз на пожелтевшей бумаге, даже не наяву, а во сне, и даже не во сне, а в какие-то мимолетные секунды перед пробуждением, когда уже не сон, но еще не явь, и обрывок фразы на клочке пожелтевшей бумаги – иди в дом, и еще какое-то воспоминание о том, чего со мной никогда не было, что-то нужно было сделать в доме, что-то – у меня даже не было слов, чтобы сказать, что именно.

Я только знал, что нужно идти в дом.

Ночью – пока никто не видит.

Идти к дому, подсвеченному огнями фонарей, подниматься на скрипучее крыльцо, осторожно повернуть ручку двери...

...замереть...

...выждать, не знаю, чего, поом стремительно – в коридор, налево, под лестницу, где дверь в кухню, к холодильнику – откуда только взялись эти слова, которых не было, и быть не могло – взять то, что подсказал не то сон, не то память, которой не могло быть, – и бежать,

бежать на улицу, в холод зимы, раньше и не замечал, что у зимы есть холод, раньше и не чувствовал этого контраста с теплотой дома...

...раньше...

Потом была Кора.

Все-таки была.

Кора, которой я готовил настойку с этим, неведомым, взятым в доме.

Потом был дом.

Вернее, не так, все не так – потом были сны, в которых приходил дом, то усаживал у пылающего камина, то устраивал на мягкой постели, то укрывал пледом, то готовил на кухне что-то манящее...

Потом стали допрашивать, кто какие видел сны, потом стали что-то врать, потом кто-то из старейшин орал, что вы все врете, все-все врете, всех вас казнить, велено же – не обмани, а вы обманываете, да быть не может, чтобы никто не видел дом, кто-нибудь же да видел во сне дом, ну как же иначе, что значит, откуда знаю, я видел...

...тут-то он и попался, когда крикнул – я же видел...

...казнили на рассвете...

Потом была Кора. То есть, она и раньше была, но теперь нашла то, что я принес из дома, то, что спасло её зимой.

И я уже понимал, что она сделает дальше. Слишком хорошо понимал, чтобы оставаться здесь хотя бы минуту, и надо было бежать – в никуда, прочь от дороги, в заросли чего-то там, пока никто не заметил, не спохватился, не...

Дом ждет меня в стороне – почему-то одинокий дом, хотя обычно они кучкуются стаями.

...поднимаюсь на мраморное крыльцо, поворачиваю дверную ручку, еще почему-то надеюсь, что не повернется, не поддастся, что дом меня не пустит – нет, пускает, пробираюсь в прихожую, оглядываю просторный зал, лестницы, ведущие наверх, комнаты по обе стороны от меня, анфиладу впереди...

Дверь захлопывается.

Я уже чувствую, что можно не толкать дверь, не пытаться выйти – она не откроется.

Дом меня не выпустит.

Поднимаюсь по лестнице, оглядываю комнаты, думаю, что меня ждет...

...сейчас узнаю...

Запас времени

Сорок лет, говорю я себе.
Сорок лет.
Смотрю на бесконечно далекое солнце, крохотную звездочку в небе, говорю себе – еще сорок лет.
Я жду.
Нет, не сорок лет жду, гораздо меньше, Эльма приходит в четверть десятого, хотя обещалась в десять.
У меня белые цветы.
У нас в народе их называют солнцами.
Обнимаю Эльму.
Сорок лет, говорю я себе, у нас есть сорок лет.
Еще успеем.
Много что успеем.
Обнять Эльму, родную, теплую, зарыться носом в её волосы, в цветы, которые у нас в народе называют солнцами.
...упасть в траву...
...на рассвете посадить росток будущего дерева.
Построить дом. Своими руками, так положено.
Смотреть, как на свадьбе нас осыпают цветами, – у нас в народе их называют звездами.
(Еще успеем)
Обнять Эльму...
Взять на руки первенца. Дать ему имя. В честь солнца.
Выходить поутру из дома, смотреть на бесконечно далекое солнце, на дерево, которое ловит его свет.
Ловить свет бесконечно далекой звезды.
Видеть первые шаги дочери.
Втолковывать что-то сыну про два плюс два будет четыре, а три плюс три будет...
...не помню уже.
Надо будет вспомнить.
Для сына.
А вот это я помню.
Сорок лет.
Сорок лет в запасе.
Чтобы утешать жену, когда она будет волноваться, что сын поздно пришел домой. Чтобы смотреть сквозь занавеску, как сын обнимает не знакомую мне девушку...
...у моего сына еще будет время.
Время привести её в дом. Представить её нам. Её будут звать...
...я ещё не знаю, как её будут звать.
Я только знаю – она будет.
И дом, который построит сын своими руками.
И письмо, которое скажет нам, что родился внук. Или внучка.
Или не письмо, или это будет что-то другое, мало ли какие там будут технологии.
Не знаю.
У нас еще будет время, чтобы увидеть его или её первые шаги.
У нас еще будет время.

До того, как небо станет красным, до того, как вспыхнет солнце, которое кажется бесконечно далеким, его смертоносный свет будет приближаться все больше, больше, больше, сжигая землю.

Даже тогда у нас еще будет время.

Год.

Два.

Пять лет.

Потом будет ужин где-нибудь в подземелье, все за одним столом, пьют вино, стараются не думать о том, что там, наверху.

И даже тогда у нас будет время.

Три часа.

Два часа.

Час.

Полчаса.

Наверное, дети будут спрашивать, почему мы пошли вниз.

Мы не скажем им.

Не скажем.

Или что-нибудь сохрем.

Что-нибудь такое, чтобы им было не страшно.

У нас еще есть время.

Обнимаю Эльму, смотрю на самого себя, который не пришел на встречу, ни в девять, ни в четверть десятого, который стоит где-то в полумраке, за островком фонарного света, смотрит на меня, срывается на крик —

– Придурок, придурок, ты что творишь вообще? Ты что творишь, я спрашиваю? Ты хоть понимаешь, что у нас еще есть время? Есть время?

Так он все время будет кричать мне, срываться на хрип – и когда я буду строить дом своими руками, и когда нас на свадьбе будут посыпать цветами, и когда я возьму Эльму за руку и отведу в дом, и закрою дверь, и я буду стоять снаружи, и кричать себе, что я идиот, и у меня еще есть время, а я его не трачу, вернее, трачу не на то, не на то, не на то...

А потом я буду долго смотреть в холодное ночное небо, и искать далекие земли под непогасшими солнцами, и ничего не найду, ничегошеньки-ничего, а потом я буду искать, как согреть землю, которой суждено остыть, и тоже ничего не найду, вернее, найду, но слишком поздно – а это одно и то же, что найти поздно, что не найти вообще.

А потом я буду в отчаянии искать способы, чтобы зажечь звезду, которая уже вспыхнула и погасла – буду искать просто так, в отчаянии, уже понимая, что ничего это не даст.

Потом буду в отчаянии рвать на себе волосы с криками – не успел, не успел, не успел.

Потому что сорок лет, это мало.

Слишком мало.

Поэтому я не смотрю на себя, который кричит что-то оттуда, из темноты за пятном фонарного света.

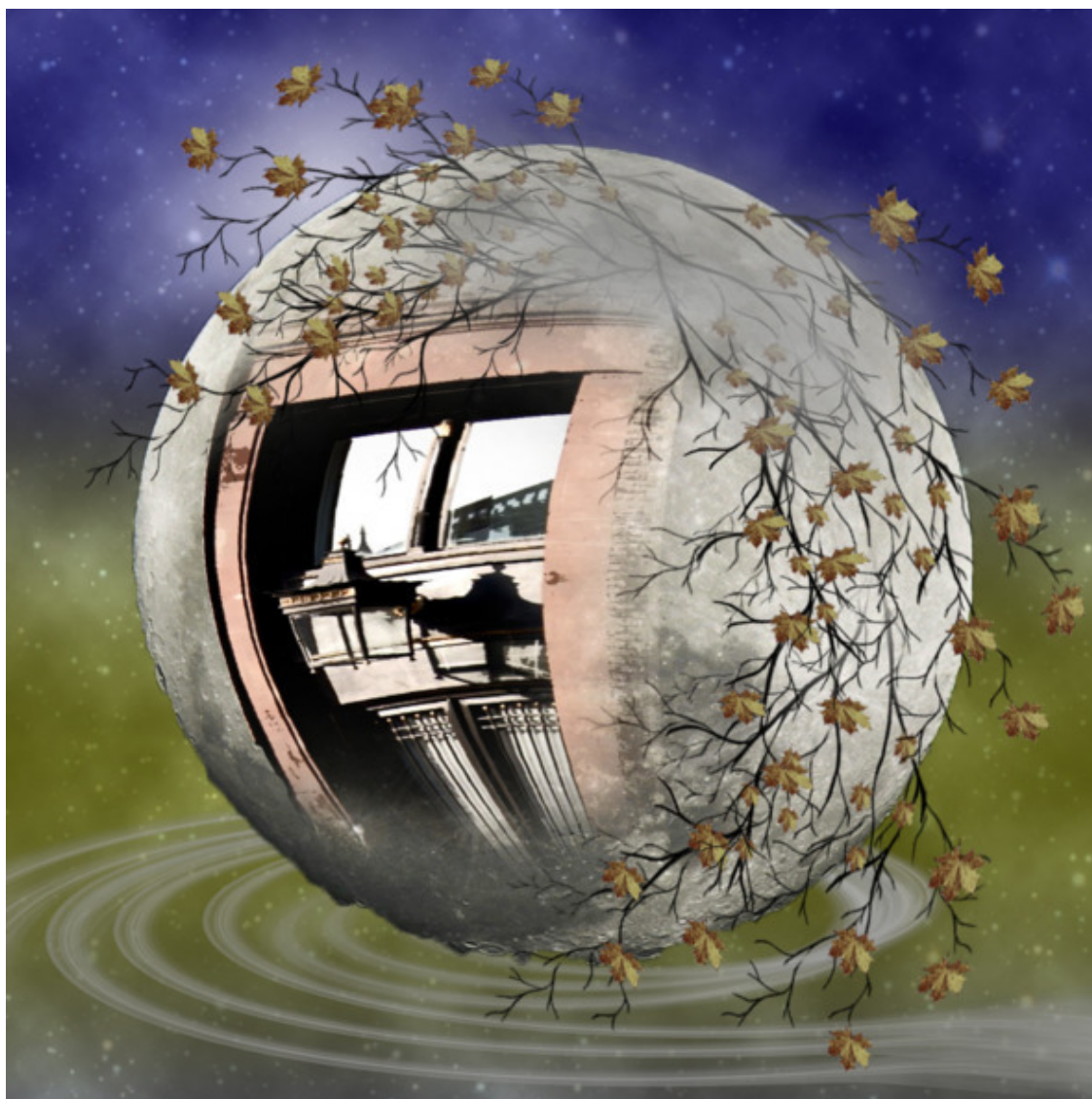
Я обнимаю Эльму.

Я не скажу ей, что видел сегодня ночью в подзорную трубу, я не скажу ей, что видел, как далекое солнце вспыхнуло и умерло.

Я никому не скажу.

У нас еще есть сорок лет.

Целых сорок лет...

В половине третьего

...просыпаюсь каждый раз среди ночи ровно в половине третьего – минуту в минуту, когда меня убили. Долго лежу с открытыми глазами, жду чего-то, сам не знаю, чего. Стрелки часов не двигаются с места, время вязнет в самом себе, замирает.

Выбираюсь из теплой постели в холодок ночи, кутаюсь в прохладный халат, выбираюсь на балкон, сам не знаю, зачем, оглядываю огоньки фонарей, темноту ночного города, где не светится ни одно окно...

Меня убивают ровно в половине третьего, снимают одним выстрелом в голову. Я так и не знаю, кто это сделал, я уже никогда не узнаю.

Ухожу с балкона, ныряю в постель – досыпать, ну а что мне еще делать после того, как меня убили, что ж теперь, не спать, что ли, если убили. Сон приходит не сразу, еще устраиваюсь поуютнее, осторожно, чтобы не разбудить Бет, наконец, приходят какие-то образы, какие-то наваждения, я проваливаюсь в сон.

Когда открываю глаза – в окна брезжит свет сквозь неплотно прикрытые шторы. Приходит утро, еще одно в бесконечной веренице утр. Бет уже встала, Бет уже расчесывает свои длинные волосы перед зеркалом. Я все хочу спросить у Бет, во сколько убили её, и как – и все не спрашиваю. Вот про сына знаю, Алану перерезали горло в половине двенадцатого ночи, когда он шел с вечеринки, и мерзко так на душе, что он был уже мертвый, когда мы спали, видели десятый сон, мирно спали в комнате наверху, и когда-нибудь Алан припомнит мне это, в какой-нибудь ссоре, я ему тогда тоже припомню, ты во сколько домой должен был прийти, во сколько, а ты во сколько пришел, сам-то ты хорош, вот и получил по заслугам... очень надеюсь, что этого не случится, никогда-никогда, не надо, чтобы такое случилось, не надо...

Выхожу из дома, кланяюсь соседям, вот идет жена булочника, её застрелили в половине четвертого, а вот молодой автомеханик, его убили как меня, в половине третьего, поэтому мы остаемся и подолгу... молчим, говорить нам не о чем, мы слишком разные, нас объединяет только одно, – оба погибли в половине третьего.

Есть еще две девочки-близняшки, которых тоже убили в половине третьего, только с ними мне совсем не о чем говорить. Хотя какой-то приبلудный астролог, который снимает комнату у пожилой пары, пытался составить какие-то карты с датами наших смертей, вплоть до секунды, пытался доказать, что все население городка делится на группы по пять человек – по времени гибели. Только у него так ничего и не сложилось, потому что не все такие, которые спокойно ответят, когда их убили, как вот, например, сын мэра, он еще газеты развозит – пожмет плечами, скажет спокойно – в три двадцать пять, – а есть и такие, которые и затрещину вlepить могут за такой вопрос, например, торговка во «Вкуснях», а есть такие, что посмотрят, так посмотрят, что душа в пятки уйдет.

Нет, полиции, конечно, все признались – кто и когда. Ходили по домам, спрашивали, искали, кто не умер, кто еще жив. Каждый называл время смерти, только это ничего не значило, каждому из нас ничего не стоило соврать, выдумать какое-нибудь – пятнадцать минут после полуночи или двадцать минут второго. Косо посматривали на старушку, живущую напротив мельницы – она помнила, что её убили, но не помнила, когда. Впрочем, ей это было прости-тельно, лично мне больше не понравилась дочь садовника, она сразу без запинки ответила время – пять часов десять минут – и это было похоже на заранее обдуманый обман.

Еще косо смотрели на одного дизайнера в доме на углу: его убили в восемь утра, и в этом было что-то неприличное, нас-то всех порешили ночью, а его утром, и это... это было как-то неправильно. Дизайнера сторонились, ну, почти все, кроме семьи садовника, кажется, у него даже что-то было с дочерью садовника, потому что её тоже сторонились, на всякий случай, ну мало ли.

Искали убийцу – сами не знали, зачем, сами себя спрашивали, разве убийца останется здесь, в городе, кто он вообще был, откуда пришел, зачем...

...просыпаюсь в половине третьего.

Долго лежу с закрытыми глазами.

Нехотя смотрю на часы.

Выбираюсь из теплой постели, кутаюсь в халат, выхожу на балкон, сам не знаю, зачем.

Меня убивают в половине третьего.

Ровно в половине третьего.

Одним выстрелом.

Возвращаюсь в постель, сбрасываю халат, иду досыпать – еще полночи впереди, что теперь, не спать, что ли, из-за того, что меня убили...

...иногда пытаюсь разглядеть что-то там, за деревьями.

Как всегда ничего не вижу.

Жрущий измерения

...проснуться.

Нет, не так, раньше не было такого слова – проснуться, не было такого понятия, проснуться, не было такого – проснуться.

А вот – проснуться.

Спросить себя, что случилось с миром, пока меня не было... или нет, вернее, что случилось с миром, пока я... это... как... а, да, спал.

Нет, сначала увидеть мир.

И не понять.

Спросить себя, почему мир стал плоским, как... даже не как лист бумаги, а как лист бумаги, на который я смотрю с одной стороны. Почему я смотрю на дом на улице, и вижу только две стороны дома, где еще две – то есть нет, я знаю, что где-то там, за домом, но почему я не вижу их, и крышу, и что внутри дома, я тоже не вижу.

Почему, спросить я себя.

Почему, почему, почему.

Запаниковать.

Вот теперь по-настоящему – запаниковать.

Двинуться вперед... нет, не так, попытаться продвинуться вперед, понять, почувствовать, что это невозможно, отчаянно забарахтаться в четырех направлениях, нет, в шести, нет, все-таки в четырех, потому что вверх (раньше у меня и слова такого не было вверх) – не получается, что-то тянет назад, а вниз тоже не получается, потому что то же самое что-то не пускает.

Почему, спросить себя, почему, почему, почему.

Выбраться из своего убежища – это получается нелегко, очень нелегко.

Посмотреть вверх – теперь понимаю это слово, вверх, увидеть там, наверху, что-то мутное, серое, бесформенное, не понять, что это такое, но хотя бы почувствовать – это оно и есть, то самое, что сделало с нами... с нашим миром... сделало...

Не найти слов.

Попытаться послать сигнал тем, этим, которые идут (откуда слово? Откуда?) по улицам, понять, что сигнал не получается...

...осознать, как подавать сигналы, – выходит что-то жуткое, надо хватать пустоту, засасывать её в себя, потом выталкивать с силой, сдавливая что-то внутри, получается странное, непонятное – э-э-э-э-э-э-э-э!

Другие оборачиваются. Почему они движутся только в четырех направлениях, почему я вижу их только с одной стороны в мире, плоском, как лист бумаги...

Показываю на то, темное, туманное наверху, почему я не могу приблизить его к себе, почему я сам не могу приблизиться, почему только —

– Э-эээ-эээ! Э-э-э-э! Э! А-а-а! А-та!

Они отворачиваются, они уходят от контакта.

Они.

Не знаю, кто они, только догадываюсь – такие же, как я.

То, темное, туманное, расплывчатое – понимает, что я его вижу, я-я-я, единственный из всех, – оно прячется на доли секунды, снова выскакивает...

Оно не боится меня.

Оно уже понимает, я – лишенный чего-то (не знаю, чего), загнанный в клетку чего-то (не знаю, чего), – ничегошеньки-ничего с ним не сделаю. Остается только тянуться туда, вверх, показывать пальцем в небо, сигналить беспомощно —

– А-а-а-а-а! А-а-а-а-та-а! А-та! Э-то! Та-ма! Э-то!

Осознать. Смутно, но – осознать, понять, что а-а-а-а – это ничего не значит, и э-э-э-э – тоже, а вот э-то, та-ма, о-но, ту-та – это да, значит...

– Та-ма! Та-ма! О-но! Э-то!

– ...вы были пьяны?

– Д-а.

– Вы отдавали себе отчет в том, что делаете?

– А... не...

– Вы признаете свою вину?

– А-га...

– Здесь распишитесь...

Царапаю бумагу, замираю – у меня отнимаю то, чем царапать, говорят —

– Спасибо.

– Пожалуйста, – говорю я.

Кажется, им понравился мой подарок, это хорошо, что понравился что они сказали – спасибо. Может, с такими можно обсудить, достучаться до таких, что было что-то, было-было-было, но у нас это отобрали, мы им не дарили, они сами отобрали, и даже не сказали – спасибо...

Они...

Эти...

Это...

Там, вверху, серое...

Смотрю на них, чувствую – они не поймут, даже не попытаются понять. Вернее, не чувствую, могут только догадываться, о чем они думают.

Вот это есть такое.

Могу только догадываться – о том, что я раньше знал.

Почему так, спрашиваю я у себя, почему так.

Почему так – спрашиваю я у того темного, туманного, что наверху – чувствую, что он знает – но не говорит...

ВНИМАНИЕ!

ЭТО НЕ СПАМ!

...нет, не так, черта с два это кто-то читать будет...

ВНИМАНИЕ!

ЭТО КАСАЕТСЯ ВСЕХ!

...И опять не то, не то, не то, таких объявлений тут, на экране, как пруд пруди, люди не заметят, люди пролистнут дальше.

Я РАССКАЖУ ВАМ ПРАВДУ О НАШЕМ МИРЕ...

...и опять не то, таких правд о нашем мире тут куча, и все неправды, а может, у каждого своя правда, может, это я ошибаюсь, думаю про свою правду, что она единственно правильная...

НАМ ВСЕМ УГРОЖАЕТ БЕДА...

...опять не то, беда уже случилась, тут надо...

...нет, я не знаю, что тут надо, я вообще не представляю, как с помощью вот этих вот жалких знаков можно передать то, что я хочу передать им всем, всем, всем...

У НАС ОТНЯЛИ ДВА НАПРАВЛЕНИЯ

Да не то, не то...

МЫ НЕ МОЖЕМ ВИДЕТЬ ДОМ СРАЗУ СО ВСЕХ СТОРОН, ЭТО НЕПРАВИЛЬНО

Не то.

Не то.

Не то.

А надо действовать, надо говорить, надо спешить – я уже чувствую, что то, темное, туманное, сверху, на этом не остановится, оно что-то сделает дальше, оно будет отбирать еще, еще и еще...

Спешить.

Бежать туда, где главные, где всемогущие, кричать им, что скоро мы все умрем, достучаться до них, пусть бросают все свои дела, и...

...застрелен при попытке проникнуть в здание Государственной думы...

...арестован при попытке...

...помещен в психоневрологический интернат по причине...

...он хватает меня, заламывает руки за спиной, отбиваюсь – само собой приходит понимание, как отбиваться, как бить ногами, под колено, под колено, по чашечкам – нет, не помогло, затаскивает в машину...

– ...а вам повезло...

Смотрю на него, даже не спрашиваю, кто он.

– Сказочно повезло... Если бы вы туда пошли, вас бы уже не было.

Сжимаю зубы, пытаюсь освободиться, все еще не верю, что вот так, с помощью куска веревки можно зафиксировать человека, чтобы он не мог выбраться. А ведь я бы в два счета выбрался, если бы это темное не отобрало у нас что-то... что-то... что-то... Достаточно лишь двинуться в другую сторону, но то-то и оно, что в искалеченном, искаженном мире не осталось другой стороны...

– ...Но должен же кто-то... кто-то... сказать им... правду...

– Должен, – он кивает, – надо только знать... как это сделать... как донести до них... как втолковать...

Вспоминаю, спохватываюсь:

– У нас мало времени...

Он кивает:

– Да, мало... это, там... скоро снимет следующий слой.

Не выдерживаю:

– Какой слой? А это... это вообще что?

Он отмахивается, показывает, что не знает.

– Это... он измерения жрет, понимаете?

Не понимаю. Я все еще ничего не понимаю.

– А... сколько их было?

– Ну а вы сколько помните?

– Четыре...

– Всего-то? – в его голосе слышится презрение.

– А... а вы сколько?

– Десять... – он поднимает глаза, – но вроде их было больше... много больше...

Мне становится не по себе.

– И как скоро он снова...

Мой собеседник нехотя кивает.

– Скоро...

– Сколько у нас времени, чтобы...

Он не отвечает, я уже сам понимаю, что мало, безобразно мало, успеем ли мы хоть что-нибудь...

...выйти из небытия...

...нет, даже не так, нет такого понятия – выйти из небытия, раньше не было такого, а теперь вот нате вам – выйти из небытия.

Спросить себя, что происходит.

Нет, даже не спросить себя, это другое, это по-другому, – мыслям тесно, мысли трутятся друг об друга, давятся друг другом, спотыкаются сами о себя. Еще бы им не спотыкаться, мои мысли не привыкли к тому тонкому, тесному пространству, куда их загнал кто-то... кто-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.